

Очерк первый

ТРИ ВЗГЛЯДА НА ЗАВОЕВАНИЕ¹

Один из наиболее активных представителей постколониальных исследований, Гиан Пракаш, анализируя индийскую историографию, выделил несколько этапов изучения региона и несколько разных типов научного дискурса, связанных с осмыслением его истории и культуры².

Первым из них был *ориентализм*³. Он являлся «европейским предприятием», создававшимся европейцами для европейской аудитории. Ориенталисты, пишет Пракаш, рисовали в своем воображении Индию как сущность, отдельную от Европы. Это был взгляд извне, который конструировал Индию в качестве *другого*, полностью противоположного западному миру⁴. Такое видение Индии было эссенциалистским, то есть придавало изучаемому и конструируемому в процессе изучения объекту целостный, гомогенный, неизменный характер, наделяло его постоянными характеристиками, отличными от характеристик Запада

¹ Некоторые идеи очерка изложены в моей статье: *Abashin S. The «fierce fight» at Oshoba: a microhistory of the conquest of the Khoqand Khanate // Central Asian Survey [далее — CAS]. 2014. Vol. 33. № 2. P. 215—231.*

² *Prakash G. Writing Post-Orientalist Histories of the Third World: Perspectives from Indian Historiography // Comparative Studies in Society and History. 1990. Vol. 32. № 2. P. 383—408.*

³ *Ibid. P. 384—388.* Автор здесь следует за работой Э. Саида (см.: *Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока.* СПб.: Русский мир, 2006).

⁴ Ту же идею отстаивал Иммануил Валлерстайн в статье с провокационным названием «Существует ли в действительности Индия?» (Логос. 2006. № 5. С. 3—8). Было бы весьма плодотворно задать похожий вопрос — существует ли Средняя Азия? (см.: *Абашин С. Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // АИ. 2008. № 4. С. 456—471).*

(если Запад — рациональный, то Индия — иррациональная, если Запад материалистичен, то Индия духовна, если Европа находится в движении, то Индия спит, и так далее). Это было не просто знание, но знание, которое оправдывало имперское доминирование Европы над Индией, представляло его неизбежностью и закономерностью, вытекающими из сущностных черт индийского общества. Пракаш оговаривается, что ориентализм не оставался одним и тем же на протяжении десятилетий, он накапливал информацию, а представления ориенталистов об Индии уточнялись и корректировались, но прежняя, созданная ими линия размежевания между Индией и Европой и подчиненное положение индийской культуры по отношению к западной все так же оставались основными особенностями такого рода научных рассуждений.

С критикой ориентализма выступила национальная научная историография, возникшая в самой Индии⁵. Соглашаясь, как полагает Пракаш, с тем же эссенциалистским видением Запада и Индии как отдельных друг от друга и самостоятельных сущностей, сторонники этого течения взамен пассивного, инертного образа Индии, который создавался ориенталистами, предложили свой образ страны — активной и самостоятельной. Индия в их работах была равной Европе, а не подчиненной ей. Используя привнесенные из Европы концепции, классификации и понятия, а также, как заметил Пракаш, ссылки на европейских ориенталистов, индийские националисты поставили под сомнение авторитет и право европейцев говорить об Индии. Внутренние противоречия и даже конфликты внутри национальной историографии, когда одни делали акцент на традиции, а другие — на модернизации, не мешали всем сторонникам этого направления говорить об индийском обществе как о единой, органической, укорененной в истории нации, которая была главным и единственным объектом их интереса, внимания, заботы и защиты. И в этом Пракаш видит «элементы ориенталистского канона», который был усвоен националистами, получившими европейское образование.

После обретения Индией независимости в 1947 году возникло несколько новых течений в изучении региона. Западные антропологи и специалисты по региональным исследованиям нарисовали образ

⁵ *Prakash G. Writing Post-Orientalist. P. 388—391.*

традиционной Индии со своей особой культурой⁶. Они смотрели на мир с точки зрения культурного многообразия, а не дихотомии Запад/Восток, но в этом подходе, как отмечает Пракаш, сохранялись старые эссенциалистские основания, которые наделяли индийское общество предписанными и заданными свойствами. Марксисты и социальные историки кембриджской школы критиковали и ориенталистскую историографию, и национальную, рассматривая их как идеологические и устаревшие проекты⁷. Вместо истории борьбы Запада с Востоком и истории подчинения Западом Востока они попытались написать новую историю сложного и нелинейного взаимодействия классов, социальных и региональных групп. Однако Пракаш критикует оба эти течения за то, что в их исследованиях Индия по-прежнему сохраняла статус маргинальной или периферийной части западного мира или глобального (то есть, опять же, западного) модернизма, к канонам и идеалам которого она должна стремиться.

Анализ индийской историографии Пракаш завершает ссылками на работы последователей школы изучения подчиненных, к числу которых он сам себя относит⁸. В их трудах, по его мнению, взгляд на индийское общество освобождается от тех или иных гегемонистских категорий (Восток, нация, класс, модернизация), навязанных ориенталистским и национальным нарративами, что позволяет увидеть множество изменяющихся позиций — сложное переплетение лингвистических, экономических, социальных и культурных взаимодействий и отношений власти. Индия перестает быть особой и неизменной на протяжении десятилетий и веков сущностью, превращаясь в пространство многообразных социальных и культурных столкновений и пересечений.

Конечно, было бы наивно на основании аргументов Пракаша делать вывод, что школа изучения подчиненных является венцом индийского и вообще любого историографического процесса, исследующего колониализм. Категориальный аппарат, созданный последователями этой школы, сам не всегда свободен от гегемонизма, особенно в тех случаях, когда они начинают искать «подлинно индийские», свободные от за-

⁶ *Prakash G. Writing Post-Orientalist. P. 391—394.*

⁷ *Ibid. P. 394—398.*

⁸ *Ibid. P. 399—402.*

падного влияния социальные и интеллектуальные сферы. Я, наверное, присоединился бы к тем, кто считает, что такого рода подчиненные могут стать лишь новой версией *экзотического другого*, воспроизводя в новой упаковке эссенциализм других понятий (община, каста, бенгальскость). Заслуга представителей этой школы не в том, что они открыли «настоящую», «истинную» историю колониальной Индии, противопоставив ее «лживой», «выдуманной» истории своих предшественников и оппонентов. Главное, на мой взгляд, то, что они указали на существование множества разнообразных, ранее недооцененных перспектив и точек зрения, с которых можно смотреть на историю.

Предложенный Пракашем взгляд на историографию и историю Индии полезен, я думаю, для изучения колониальной истории и историографии Средней Азии — при всех отличиях между этими регионами⁹. Обсуждение, например, вопроса о том, что имело место в XIX веке — завоевание Россией Средней Азии или ее добровольное присоединение, зашло в тупик, поскольку сторонники двух основных позиций — национальной и имперской — не могут ни переубедить друг друга, ни выстроить какого-либо диалога. Методологический же ракурс, который предлагает Пракаш, включает в себя критику обеих этих гегемонистских категорий и является попыткой показать иные способы описания прошлого, увидеть многообразие нарративов, противоречия между ними и внутри каждого из них, используемые этими нарративами приемы убеждения, преувеличения, подтасовки, умолчания, эмоциональную составляющую, с помощью которых конструируются различные версии произошедшего. Такой подход позволяет прочитать разные варианты донациональной истории и альтернативные региональные истории, услышать голоса женщин, религиозных деятелей, тех или иных социальных групп как особые, идущие вразрез с колониально-ориенталистской и национальной риторикой.

В первом очерке книги, который будет посвящен истории завоевания Ошобы и ее включения в состав Российской империи, я намеренно отказался от написания собственной версии этой истории и анализирую то, как по-разному она видится разными акторами и толкователями.

⁹ См.: *Morrison A. Russian Rule in Samarkand, 1868—1910. A Comparison with British India.* Oxford, NY: Oxford University Press, 2008.

Я предлагаю вниманию читателя три рассказа об одних и тех же событиях в Ошобе в 1875 году, когда Ферганская долина была оккупирована российской армией. Один — это донесения российских военных, участвовавших в событиях того времени, и затем интерпретация этих донесений в трудах имперских военных историков. Второй — описание, которое давали тем же фактам местные интеллектуальные лидеры, и новая оценка произошедшего в постсоветской национальной историографии Узбекистана. Третий рассказ был услышан и записан мной от руки в Ошобе в 1995 году (а в 2010 году дополнен аудиозаписями). Меня в данном случае интересует, как в каждой из этих версий описывается ситуация завоевания, подчинения, сопротивления и противостояния, с каких точек зрения рассматриваются события, какие образы и метафоры используются, какие модели объяснения предлагаются, какие концепции и представления стоят за этими моделями, как происходят процессы вспоминания и забывания, как факты конструируются и встраиваются в изначально заданную логику рассказа.

События осени 1875 года

Прежде чем говорить о нарративах, я должен изложить последовательность событий, чтобы можно было понять, о чем вообще идет речь¹⁰.

Итак, летом 1875 года в Кокандском ханстве, которое с момента подписания российско-кокандских договоров в 1868 и 1872 годах фактически находилось под протекторатом Российской империи, влиятельные представители высшей кокандской элиты потребовали

¹⁰ Я буду излагать эти события с точки зрения завоевателей, опираясь на материалы, собранные А. Серебrenниковым и частью опубликованные (*Серебrenников А. К истории кокандского похода // Военный сборник. 1897. № 9. С. 5—28; 1899. № 4. С. 211—226; Он же. К истории кокандского похода (статья первая) // Там же. 1901. № 4. С. 29—55; Он же. К истории кокандского похода (статья вторая) // Там же. 1901. № 7. С. 42—70; Он же. К истории кокандского похода (статья третья) // Там же. 1901. № 8. С. 36—59; Он же. К истории кокандского похода (статья четвертая) // Там же. 1901. № 9. С. 28—55; Он же. К истории кокандского похода (статья пятая) // Там же. 1901. № 10. С. 69—96; Он же. К истории кокандского похода (окончание) // Там же. 1901. № 11. С. 37—74*), частью хранящиеся в фонде 715 ЦГА РУз.

низвержения правителя — Худоярхана. Оппозиционное движение приняло такой размах, что в июле последний вынужден был бежать из Коканда в сопровождении российских казаков. На престол взошел его сын Насреддинхан. Смена власти обеспокоила туркестанского генерал-губернатора Константина Петровича фон Кауфмана. Новая кокандская верхушка могла объединиться с бухарским эмиром и правителем Йеттишара Якуббеком¹¹, и эта коалиция, при поддержке англичан, составила бы — как опасался Кауфман — мощную силу, направленную против российского присутствия в регионе.

Под предлогом защиты от действий кокандцев, которые в районе реки Ахангаран¹² совершили ряд нападений на российские посты и центр Кураминского уезда — Аблык, военные части в августе стремительно вторглись в Ферганскую долину со стороны города Ходжент¹³. 22 августа в тяжелом бою была разгромлена большая кокандская военная группировка около крепости Махрам, 29 августа российские солдаты захватили столицу — Коканд, а в течение сентября заняли остальные крупные города Ферганы. Несмотря на продолжавшиеся бои, 22 сентября 1875 года Насреддинхан подписал с Кауфманом новый договор, восстанавливающий российский протекторат над ханством на еще более жестких условиях.

В частности, по соглашению предусматривалась передача всей территории на правобережье Сырдарьи и Нарына — бывшее Наманганское бекство — в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Весь восточный склон Кураминского хребта (бывшее Бабадарханское бекство), и в том числе кишлак Ошоба, был включен в состав новой административной единицы — Наманганского отдела (с центром в городе Намангане и дополнительной военной базой в Чусте). Отдел должен был служить своеобразным буфером между Кокандским ханством и основной

¹¹ Государство Йеттишар было создано в конце 1860-х годов в результате антикитайского восстания мусульманского населения на территории нынешнего Синьцзяна.

¹² Долину реки Ахангаран отделяет от Ферганской долины горная гряда — Кураминский хребет. На ферганском, юго-восточном предгорье как раз и находится кишлак Ошоба, который, следовательно, уже летом 1875 года был в самой гуще событий.

¹³ Город Ходжент (в советское время — Ленинабад, ныне — Худжанд), замыкающий западный угол Ферганской долины, уже с 1866 года был в составе образованного русскими Туркестана.

территорией генерал-губернаторства. Войска, которые здесь располагались, могли контролировать основные перевалы и пути из Ферганы на север и запад, легко появляться в любой части долины, чтобы подавить возможное сопротивление. В то же время естественная граница в виде рек Сырдарья и Нарын затрудняла, как считали тогда российские военные, плохо оснащенный и неорганизованным кокандским отрядам неожиданные нападения на русских. Во главе отдела был поставлен М.Д. Скобелев.

Надежда легко взять под контроль ситуацию в Кокандском ханстве, однако, не оправдалась. 10 октября Насреддинхан тоже вынужден был, вслед за отцом, бежать из Коканда, а новым правителем среди части повстанцев был провозглашен некто Пулатхан. Таким образом, наступил кульминационный момент в конфликте, когда одновременно происходила борьба за власть между различными фракциями кокандского общества и борьба с завоевателями.

Кокандцы небольшими группами перебирались на территорию Наманганского отдела и спокойно перемещались там, находя поддержку среди местных жителей, которые чаще всего даже не понимали, что вдруг оказались подданными России. Одним из наиболее беспокойных районов новообразованного Наманганского отдела была его самая западная часть — горы и предгорья Кураминского хребта, вдоль которого и через который проходили важные пути из Ходжента и Ташкента в Наманган, по ним шли поставки продовольствия и военного снаряжения. Это была территория степей и гор, где не было мест постоянной дислокации российских военных, поэтому кокандские отряды действовали здесь свободно и угрожали затруднить сообщение между основными военными базами. Российские отряды время от времени появлялись на этой территории, вели боевые действия с противником, преследовали его, но ситуация оставалась сложной, поскольку кокандцы нападали внезапно, маленькими группами и быстро рассыпались, исчезая из поля зрения менее мобильных регулярных войск. Малодоступные кишлаки в предгорьях и горах Курамы предоставляли повстанцам запасы и укрытие, а российские военные не решались вести там боевые действия без артиллерии и обозов с провиантом и снаряжением...

Перехожу к деталям. Речь о том, как развивалась ситуация в октябре—ноябре в западной части Наманганского отдела и что происходило в Ошобе и соседних селениях.

Начну с одного донесения о передвижении небольшого отряда из двадцати пяти солдат во главе с майором Ястржемским из Ангренской долины в Наманган, которое весьма художественно передает настроение, существовавшие в тот момент у российских военных. 11 октября экспедиция двинулась из ахангаранской базы и¹⁴,

перевалив горный кряж [из долины Ахангарана через Кураминский хребет в Фергану], имела ночлег в небольшой отдельной Курганче¹⁵ около кишлака Мулла-Мир [Мулламир]; несмотря на вечер и пост Уразу¹⁶, аксакал [старшина, старейшина] деревеньки Мулла-Мир явился, вызванный нашими джигитами, и охотно, за деньги, доставил нам все необходимое. Такое поведение Мулла-Мирского аксакала я объясняю близостью этой деревни к нашей границе и незначительностью населения. На другой день мы проследовали кишлак Бабадархан <...> Бабадарханцы были положительно удивлены нашим внезапным появлением и отнеслись к нашему приходу как-то недоумевая; мы не слышали ругательных слов и все встреченные жители кишлака старались скрыться или в ворота, или в переулок, а оставшиеся на улице, пугливо прижимаясь к стенкам сакель [глинобитный дом], недоумевая, провожали нас глазами.

Не то было в Шайдане; жители этой большой горной деревни, предупредомленные бабадарханцами, встретили нас иначе; два аксакала босиком ожидали нас перед кишлаком и проводили нас через всю деревню; в середине деревни внутри базара, они радушно предлагали нам ночлег в большой чайхане [общественная чайная], убранной чистыми кошмами [войлочные ковры], но майор Ястржемский отклонил их предложение и категорически объявил им, что будет ночевать с отрядом в поле, около кишлака, и потребовал, чтобы туда была проведена вода

¹⁴ Донесение капитана И.Д. Певцова военному губернатору Сыр-Дарьинской области от 18 октября 1875 г. // ЦГА РУз, ф. 715, оп. 1, д. 64. Л. 204—205.

¹⁵ Курганча (*кўрганча*) — двор наподобие небольшой крепости, защищенный со всех сторон стеной.

¹⁶ Ураза — пост в месяц рамазан/рамадан по мусульманскому календарю.

и доставлены за деньги дрова, клевер, ячмень и проч., все это было исполнено буквально через два часа¹⁷. Такая торопливость в исполнении заставила нас отнестись крайне подозрительно как к аксакалам, так и вообще к жителям деревни Шайдан; тут уже не замечалось недоумение, а скорее проглядывало нечто сознательное, и предупредительность аксакалов давала повод подозревать, что вся деревня Шайдан, узнав о нашем движении и численности, замышляла попытаться ночью врасплох напасть и уничтожить нас.

Впрочем, сам Кауфман, читая такого рода донесения, был настроен по отношению к ним критически и более оптимистично оценивал положение дел. 16 октября он отправился из Намангана в Ходжент, тогда же в селении Самгар, недалеко от Ходжента, был выставлен летучий отряд под командованием полковника Пичугина для поддержки группы, в которой находился генерал-губернатор, в случае нападения на нее¹⁸. 19 октября Кауфман во время остановки в селении Камыш-курган писал в письме Скобелеву¹⁹:

Во время настоящего моего следования от Чуста к Камыш-Кургану, жители попутных кишлаков, за исключением небольшого кишлака Ашлык [Аштлик] (на переходе между Пунганом и Камыш-Курганом), были большею частью на местах и выходили ко мне навстречу с достарханами²⁰. По рассказам и разным сведениям, жители этих кишлаков замешаны в грабежах и нападениях на наших джигитов <...> Но нельзя

¹⁷ Напротив этого места Кауфман сделал пометку: «Ну, а если бы не было исполнено, то разве это было бы лучше? Мне кажется, что жители большой горной деревни, если бы желали, могли бы напасть на 30 чел. В том-то и дело, что напасть на 30 вооруженных русских не захочет ни один кишлак, ибо знает, что это даром не обходится».

¹⁸ Петр Аристархович Пичугин был участником многих военных операций в Средней Азии в 1860—1870-е годы. Любопытная деталь — двоюродная сестра Пичугина была замужем за известным антропологом А.П. Богдановым, для которого полковник «поставлял» черепа на изучение (см.: С.М.С. «Отрывать же головы... решительно не имели времени» // Природа. 2004. № 5. С. 66).

¹⁹ ЦГА РУз, ф. 715, оп. 1, д. 64. Л. 213—214.

²⁰ Достархан (дастурхан, буквально «скатерть») — подарки, включающие хлеб и угощения, которыми одаривают гостей или с которыми идут в гости.

не признать, что все эти грабежи и разбои произведены ими по внушению и подстрекательству вождей движения в народе, частью из жителей правого берега Дарьи [Сырдарья], преимущественно из кипчаков²¹, частью же разбойничьими партиями с левого берега реки.

Под сложившимся у него впечатлением о лояльности местного населения Кауфман решил привлечь местных жителей на свою сторону. Он писал в приказе²²:

Для обеспечения сообщения между Самгаром и Чустом, для поминки главных разбойников и коноводов волнения в населении правого берега <...> я остановился на следующей мере: по рекомендации мне лиц, знающих бывшего бабадарханского бека Мирзу-Абдуллу, я назначил его наибом²³ всей страны между Самгаром и Тусом [древнее название Чуста] с подчинением штабс-капитану Бекчурину. Я поручил Мирзе-Абдулле набрать сто охотников-стрелков из известных ему бабадарханских жителей. С этими милиционерами наиб Мирза-Абдулла будет следить за безопасностью сообщения между Самгаром и Чустом и вообще за спокойствием в районе между этими двумя пунктами. Я назначил на содержание охотника-стрелка по 10 руб. в месяц на каждого. Наibu Мирзе-Абдулле я определил на первый месяц 300 руб. сер.

В тот же день исполняющий должность военного губернатора Сырдарьинской области генерал-майор Эйлер в докладе сообщил Кауфману о том, что, узнав от Ястржемского о «скопищах» противника в Шайда-не, направил туда из Кураминского уезда полковника Гююса с отрядом солдат²⁴. 23 октября Кауфман дал указание Пичугину, который был

²¹ Кипчаки — одно из крупных племенных объединений кочевников и полукочевников в Ферганской долине. Представители этой группы в 1840—1870-е годы играли важную роль в политической жизни Кокандского ханства, опираясь на поддержку своих воинственных соплеменников.

²² ЦГА РУз, ф. 715, оп. 1, д. 64. Л. 214—215.

²³ В кокандской администрации наибы — это административное звание, что-то вроде уполномоченного. Но вполне возможно, что этот термин Кауфман взял из своего предыдущего опыта участия в войне на Северном Кавказе.

²⁴ ЦГА РУз, ф. 715, оп. 1, д. 64. Л. 218—221.

в Самгаре, соединиться с отрядами наиба Мирза-Абдуллы и полковника Гюуса в Шайдане. 24 октября отряд Пичугина прибыл в Камыш-курган и остановился неподалеку, в урочище Бахмаль. Однако планы пришлось изменить — в сообщении от 25 октября начальник Кураминского уезда писал²⁵:

Сейчас прибыл ко мне на Куйлюк Наиб Мирза-Абдулла, назначенный Вашим Высокопревосходительством начальником милиционерного отряда, и сообщил мне следующее: что он, собрав около себя 20 джигитов, поехал с ними в сел. Шайдан, чтобы там набрать хороших людей до сотни, что в Шайдане ему удалось приискать еще 20 джигитов; таким образом, около него было уже 40 человек, как в это время Хал-Турсун с язинскими кипчаками и с жителями кишлаков: Ашаба, Гудаса и Ашта окружили его и предлагали ему ехать в Кокан [Коканд], но, что ему удалось, приблизившись к кишлаку Пангасу [Пангаз], с помощью жителей этого селения, бежать в Аблык.

В послании Скобелева Кауфману от 28—29 октября отмечалось, что еще 23 октября он направил отряд во главе с полковником Меллер-Закомельским в кишлак Ак-джар, откуда тот должен был пройти по пути в Бабадархан, Мулламир, Пангаз, Ошобу (где должен был быть 28 октября) и Гудас. Однако этот поход не состоялся из-за активных действий кокандцев около Намангана. 3 ноября Кауфман приказал выставить из Ходжента на Акджарскую переправу на Сырдарье отряд в составе двух рот 3-го Туркестанского стрелкового батальона, взвода 2-й батареи, полусотни оренбургских казаков и 5-й Сибирской сотни. Начальником Акджарского отряда был назначен полковник Пичугин. В задачу отряда входила охрана переправ на Сырдарье на западе Ферганы и дороги от селения Пап до Камыш-кургана, то есть практически контроль всей территории юго-восточных предгорий Курамы²⁶.

В течение нескольких дней подразделения, которые должны были составить Акджарский отряд, прибыли в район, после чего были

²⁵ ЦГА РУз, ф. 715, оп. 1, д. 64. Л. 271—272.

²⁶ См.: Записка о политических и иных делах на Кокандской границе, 15 ноября 1875 г. // ЦГА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 2551. Л. 118, 118 об.

проведены карательные операции в близлежащих селениях по обоим берегам реки. Из селения Ашт прибыла депутация местных жителей и изъявила готовность помогать русским и снабжать их провиантом. Тем не менее Пичугин был обеспокоен активностью, которую проявляли повстанцы. По его сведениям, в районе его ответственности действовало несколько «шак»», крупнейшей из них — в несколько сотен воинов — руководил бывший бек Абылка Танаберды (Тангры-Берды-Фарман)²⁷, который находился под началом Зульфакарбека²⁸. Кроме того, были «шайки» под предводительством кипчака Батыркула (из небольшого селения Сарвак), таджика Исмандияра (из окрестностей Ашта), Колтырсунa (из Ошобы), муллы Кушая (из селения Моргузар недалеко от Папа) и киргиза Ишпугта²⁹. Основная база кокандцев располагалась около Шайдана.

Чтобы подавить сопротивление в горных районах, полковник решил совершить военный поход в окрестные кишлаки. В поход отправились полторы роты 3-го Туркестанского стрелкового батальона и сотня сибирских казаков, то есть около трехсот человек, артиллерийские орудия с собой в горы не взяли.

16 ноября российские солдаты, выйдя из Ак-джара, достигли Камыш-кургана и там переночевали, на следующий день они прибыли в Шайдан, где полковник Пичугин велел наказать перед народом двух старшин, которых обвинял наиб Мирза-Абдулла и упоминал в своем донесении месячной давности Ястржемский³⁰. После этого отряд направился в Бабадархан, где население не сопротивлялось и выполняло все требования — предоставляло продукты и информацию³¹. Вечером, далее по пути в Пангаз, Пичугин получил известие, что крупная «шайка» Танаберды и Батыркула предприняла нападение на Шайдан, а потом направилась к Ошобе. Он без промедления, в подвечернее

²⁷ ЦГА РУз, ф. 1, оп. 19, д. 529. Л. 1.

²⁸ Зульфакарбек — высокопоставленный кокандский чиновник каракалпакского происхождения, который выступил против Худоярхана и Насреддинхана.

²⁹ *Серебренников А.* К истории кокандского похода (статья четвертая). С. 37.

³⁰ Там же. С. 38.

³¹ Там же. С. 39.

ночи поднял свой отряд и двинулся в направлении Ошобы, где утром 18 ноября состоялось ожесточенное сражение. Разгромив неприятеля и разрушив кишлак, российские военные не стали задерживаться, опасаясь нападения по-прежнему численно превосходившего их противника, и продолжили карательную операцию — вошли в Гудас, жители которого изъявили полную покорность³². 19 ноября отряд Пичугина вышел к Ашту, а вечером того же дня возвратился на позицию у Акджарской переправы. Получив от Пичугина информацию о результатах похода, Кауфман выразил ему, офицерам и низшим чинам «искреннюю благодарность за лихое движение»³³.

Имперский нарратив

Донесение Пичугина

В изложенной выше истории меня интересуют события в Ошобе, и в частности сохранившееся описание ожесточенного боя, который состоялся в кишлаке рано утром 18 ноября. Это описание существует в трех вариантах: в виде двух донесений на имя Скобелева и на имя Кауфмана от самого Пичугина и в виде пересказа этих донесений военным историком А.Г. Серебrenниковым. Прочитаем все три одно за другим, чтобы увидеть, как изображалась, уточнялась и менялась в них картина произошедшего.

Вот что сообщал Пичугин в донесении от 19 ноября 1875 года на имя начальника Наманганского отдела³⁴:

³² Там же. С. 42.

³³ Я не ставлю своей целью изучение всей истории завоевания Кокандского ханства, но для читателя добавлю, что 26 декабря 1875 года войска под командованием Скобелева развернули новые масштабные боевые действия против кокандцев, захватили Андижан, разбив основные силы противника, а в начале февраля в Санкт-Петербурге было принято решение о полной ликвидации Кокандского ханства и присоединении его территории к Туркестанскому краю.

³⁴ Донесение начальника Акджарского отряда начальнику Наманганского отдела от 19 ноября 1875 г. // ЦГА РУз, ф. 715, оп. 1, д. 65. Л. 200—201.

Вечером 17-го я получил известие, что шайка Тана-Берды ночует у кишлака Ашаба. Подняв в полночь отряд, я направился туда по затруднительной дороге и прибыл к 7 часа утра 18 ноября. Кроме шайки отряд был встречен пальбою из-за стенок кишлака. После упорной, хотя и непродолжительной перестрелки пехота бросилась на штурм. Сопротивление жителей было отчаянное: били людей из-за баррикад и бойниц. Жители пощады не просили и гибли с оружием в руках; женщины кидались с ножами на солдат и бросали в них камнями. Все было переколото. Затем соединенные шайки Таны-Берды и Батыр-Кула, державшиеся на высотах, в стороне во все время резни, были рассеяны ружейным огнем и скрылись по направлению к Садыку.

В кишлаке (сожжен) осталось более 150 переколотых трупов, за кишлаком и на высотах около сотни. Взято с боя 1 бунчук [древко с конским хвостом, символизирующее власть], 1 значок, 60 сабель, 80 пик, 120 ружей и несколько сот батиков [палка, плетъ]. Потеря наша значительна: нижних чинов убито три, ранено 11, ушиблено и контужено 3, лошадей казачьих убито 6.

Не имея вовсе перевязочных средств, я тем не менее счел неудобным не окончить задуманного движения и, окончив разрушение мятежной Ашабы, двинулся далее; 9 носилок с тяжелоранеными замедляли движение, совершаемое по горным труднодоступным тропам. В полночь едва мы прибыли к кишлаку Гудас, который лепится в скалистых ущельях. Таким образом, люди отряда были на ногах 24 1/2 часа, не ели все это время (успели лишь выпить чай), выдержали жаркое дело и прошли по горным тропам в этот тяжелый день 44 версты без арб <...>

Погром Ашабы сильно подействовал на все соседние кишлаки. Раболопствуют донельзя. Исполняют все требования. Накладываю реквизиции и полагаю, что полоса горного района затихла, так что не потребует пока экзекуции со стороны Намангана, за исключением трех воровских кипчакских кишлаков (Чадак, Сарвак и Раджак), куда удалились Тана-Берды и Батыр-Кул с почти разбежавшеюся шайкою.

20 ноября Пичугин описывал те же события в донесении на имя Кауфмана. На этот раз стиль его рассказа был еще более эмоциональным и художественным³⁵:

³⁵ Донесение начальника Акджарского отряда командующему войсками Туркестанского округа от 20 ноября 1875 г. // ЦГА РУз, ф. 715, оп. 1, д. 65. Л. 202—207.

Желая захватить эту шайку, я в 11 1/2 часов ночи 17 ноября поднял отряд и повел его горными тропами на Ашабу. Нарочно с точностью указываю время подъема, потому что, как Ваше Высокопревосходительство лично убедитесь из моего строго верного фактам донесения, энергия и самоотвержение русского солдата в наступивший затем день 18 ноября, высказались в такой степени, что Ваше Превосходительство можете с гордостью видеть у себя в округе таких солдат.

Пехота шла пешком, арбакешные лошади были навьючены десятичными котлами и пятидневным провиантом. Дорогая была тяжелая, горная, с беспрестанными обрывистыми спусками и подъемами. Затруднительность пути увеличивалась темною ночью. Колонна, пройдя с лишком 20 верст, к семи часам утра приблизилась к аулу, лежавшему в глубокой рывтине [Илл. I, II]³⁶.

Мы шли нижнею боковою дорогою и не видели еще строений. Вдруг были замечены бежавшие конные пикеты с высоты. Я немедленно направил вслед за спасавшимися 5-ю Сибирскую сотню. Сотня вскакала на высоты, пикеты без оглядки бежали в кишлак. Сотня подошла ближе. Вдруг со всех крыш, из-за стенок, заборов был открыт огонь. На высоте также высыпала конная шайка. Сотня несколько отошла, люди спешились, и началась перестрелка. По силе неприятельского огня, по меткости его видно было, что кишлак имеет много ружей и ждал нас давно. Пехота, несмотря на сильно утомительный переход, бегом взбежала на высоту, густая стрелковая цепь залегла по всему гребню, охватывая линию неприятельских стрелков. Перестрелка была чрезвычайно упорна. Для усиления огня я употребил казаков как пехоту. Огонь из кишлака начал слабеть, видно было, как правый фланг неприятельских стрелков побежал назад. Дальнейшая перестрелка вела бы только к потерям людей, потому что горцы — жители Ашабы били замечательно метко. Пехота была двинута на штурм: 3 полувзвода и 2 роты под командою штабс-капитана Бартенева бросились на правую сторону кишлака, взвод первой роты капитана Русанова кинулся на левую. Обе колонны встретили сильнейшее сопротивление, жители били из-за баррикад, из бойниц в саклях, заборах, стенках. Весь кишлак был в баррикадах.

³⁶ Иллюстрации с латинской нумерацией даны на вклейке.

Люди наши подвигались неудержимо вперед, офицеры были впереди. Началась резня, или, вернее, ряд отдельных боен, ни один ашабинец не сдавался, все гибли с оружием в руках. Женщины кидались с ножами на солдат или пускали в них с крыш камнями. Наконец кишлак был взят, все легло под штыками. Взвод 2 роты с поручиком Журавлевым взобрался на противоположные высоты против конной шайки и открыл по ней убийственный огонь, та кинулась спасаться, взбираясь под нашим огнем на перевал, и исчезла из виду, оставив на месте несколько десятков трупов <...>

В 9 1/2 часов все было кончено. Изредка гремели выстрелы, потому что отдельные фанатики выскакивали из разных закрытий, стреляли в наших и были тут же избиваемы. Ударив сбор и собрав отряд, я отправил часть отряда для разрушения кишлака. Через некоторое время он представлял сплошную массу огня, в котором горели трупы, завалившие все улицы, сады и дворы, скот, забившийся в разных закутках и все не нужное отряду имущество <...>

В деле 18 ноября как офицеры, так и солдаты вели себя молодцами. Могу упрекнуть только в том, что люди в начале дела слишком рисковали собою, пренебрегая закрытиями, но к концу перестрелки они уже прекрасно применились к местности <...>

Дальнейшее движение в горы представляло некоторые трудности: в колонне было до начала дела 200 штыков и 100 сабель, приходилось идти горами, для 9 носилок нужно было отрядить 72 человека, для носки ружей 54, у меня оставалось свободных всего 70 штыков. Путь вперед шел тесным ущельем, где расположены сады и хутора Ашабы, на пути лежали кишлаки Гудас (около 100 дворов) и Аш [Ашт] (400). В случае нового дела я мог быть поставлен в трудное положение, но отойти назад было невозможно, не потеряв нравственное значение успеха под Ашабою. Кишлакам было заранее объявлено, что русские придут, колебаться было нечего, и отряд, не поев, не отдохнув, сварив только чай, в 2 часа пополудни втянулся в Ашабинское ущелье. Узкая дорога была во многих местах забаррикадирована, разбирали их депутаты от разных кишлаков. По временам раздавались выстрелы, стрелки пристреливали одиночных сартов, показывавшихся из расселин, но по нам не стреляли <...>

Таким образом, люди были на ногах 24 1/2 часа, пили только чай, в это время выдержали горячее дело и прошли 44 версты по едва доступным дорогам. Факт говорит сам за себя, и прибавлять мне к нему нечего.

Горцы били «замечательно метко», «фанатики стреляли в наших», русские солдаты шли «неудержимо вперед», а офицеры были «впереди» — эти новые характеристики добавили драматизма и героизма в описание боя. Автор не жалел красок, подчеркивая трудности, с которыми пришлось столкнуться его отряду, и героизм, проявленный военными. Значительную часть текста, которую я здесь опускаю, составили сведения о захваченных трофеях (оружии, знаменах) и подробное перечисление потерь. Полковник привел, в частности, имена погибших со стороны русских: 1-й роты унтер-офицер Мирошников, 2-й роты стрелок Иванов, 5-й Сибирской сотни казак Мандрышин — трое погибших в бою; еще два казака, урядник Железчиков и Дорогой, были, видимо, смертельно ранены. Пичугин поименно отметил за «заслуги» нескольких военных, например унтер-офицера Шемеля, «отнявшего бунчук и заколовшего 10 сартов»³⁷. В обоих донесениях было названо количество погибших противников (как ошобинцев, так, видимо, и бойцов из «шаек» Танаберды и Батыркула, которые заняли оборону в Ошобе) — 150 «с оружием в руках», кроме того, «в садах, рывтинах, скалах высот, везде валялись трупы» — еще не менее сотни. Сославшись на сомнения Кауфмана по поводу таких больших чисел, Пичугин добавил «с уверенностью», что названная им цифра потерь среди «неприятеля» — минимальная.

Все ли в рассказе Пичугина достоверно? Надо понимать, что перед нами — донесение, направленное в адрес начальства, а вовсе не публикация, предназначенная для общественного обсуждения. Задача подобного рода донесений заключалась, в числе прочего, в том, чтобы выставить свои действия в наиболее выгодном свете и получить все возможные бонусы (похвалы, награды, повышения по службе). Весь текст был строго выдержан именно в таком стиле. Пичугин приписывал защитникам Ошобы упорство и умелость, тем самым указывая на значение победы,

³⁷ ЦГА РУз, ф. 715, оп. 1, д. 65. Л. 202—207.

одержанной в этом бою русскими. Той же цели служила и «минимальная» цифра 250 убитых — в противовес нескольким погибшим русским солдатам. Разница с двух сторон в числе погибших (250 и 5) выглядела нарочито высокой, и Пичугин старательно ее подчеркивал³⁸.

В донесении ни слова не говорится о том, что в составе российского отряда был назначенный Кауфманом наиб Мирза-Абдулла (и, видимо, его джигиты), который, как можно предположить, был провожатым и указывал дорогу русским. Между тем год спустя сам Пичугин ходатайствовал о награждении бывшего бека серебряной медалью «За храбрость» и почетным халатом за то, что «в деле под Ашабою, 18 ноября 1875 года, находясь в цепи под сильным ружейным, почти в упор огнем неприятельских стрелков, показывал пример редкого хладнокровия»³⁹. В рапорте ничего не было сказано ни о количестве людей из местного населения, которые находились в российском отряде, ни о той роли, которую они выполняли, ни о возможном числе погибших и раненых среди них. Эта небольшая уловка позволяла подчеркнуть свои заслуги, еще больше приукрасить успех.

В других своих донесениях на имя начальства Пичугин всячески демонстрировал решительность и готовность к жестоким мерам. В одном из писем на имя Скобелева этот полковник, недовольный его новыми приказами после отъезда Кауфмана⁴⁰, писал⁴¹:

Как человек военный, то есть человек, показывающий уже зачатки настоящего военного дарования, которому дай Бог впоследствии развиться, Вы должны понять, что после Ашабинского дела нужна не полиция, не посылка мелких отрядов по указаниям участковых на-

³⁸ Между тем значительное число погибших в Ошобе подтверждается косвенными данными — подсчетом числа домов в кишлаке, который вели чиновники в 1877—1883 годах (см. Очерк 3).

³⁹ ЦГА РУз, ф. 1, оп. 20, д. 9808. Л. 1.

⁴⁰ Скобелев, как он уже планировал ранее, после отъезда Кауфмана соединил Акджарский отряд с Чустским и назначил командиром полковника барона Меллер-Закомельского, который в начале декабря провел карательную операцию вдоль левого берега Сырдарьи от Ак-джара до Чиль-махрама, после чего сопротивление в Кураминских предгорьях затихло.

⁴¹ ЦГА РУз, ф. 715, оп. 1, д. 65. Л. 230—231.

чальников, потому что эти отряды могут погибнуть, а штык, военная диктатура и распоряжение начальника, который бы на известном пространстве имел бы безграничную власть, действуя именем Константина Петровича и Вашим⁴².

Военное донесение как имперский жанр и как вообще любой документ милитаристского содержания отличалось циничным прагматизмом и жестокостью, в нем обсуждались и решались сугубо военные и управленческие проблемы, и поэтому оно освобождалось от необходимости включения каких-то политических и моральных оговорок. В донесении в наиболее простом и ясном виде присутствовало противопоставление тех, кто завоевывает, и тех, кто сопротивляется. Этот конфликт мог быть разрешен только уничтожением и покорением противника с помощью безграничной власти и военной диктатуры. Страдания противника не принимались в расчет, огромное количество жертв с противоположной стороны не умаляло, а, наоборот, подчеркивало безусловность одержанной победы, силу российского оружия. Необходимость такой жестокости была совершенно очевидна Пичугину и его адресату — противник должен быть повержен и должен понести наказание за свое сопротивление.

В донесении подчеркивались все атрибуты победы — потери врага, умелые и самоотверженные действия российских военных, достигнутый результат. Пичугин персонализировал победу, указывая имена героев и жертв с российской стороны — все они должны были быть вознаграждены славой и посмертной памятью. Разумеется, жанр военного донесения предполагал также ответное восхваление и вознаграждение самого Пичугина. Противник же был, напротив, представлен непонятной и безымянной массой, за исключением имен двух главных предводителей, которые, впрочем, не являлись субъектами повествования. Пичугин с некоторым удивлением говорил о яростном сопротивлении, оказанном в Ошобе, о меткости стрелков, о женщинах, участвующих в бою. Но в этом удивлении сквозили, с одной стороны, намек на варварство врага, который идет на бессмысленное самоубийство, а с другой

⁴² На копии этого письма есть приписки еще одного участника событий — генерал-майора Троцкого, в которых он отмечает странно фамильярный тон письма полковника генералу.

стороны, желание еще раз отметить значение одержанной над столь упорным врагом победы.

Пересказ Серебренникова

Имперский нарратив проявлялся в разных жанрах, каждый из которых диктовал свою логику и свою интерпретацию событий. Донесения одного военного другому уже содержали элементы данного нарратива, при этом оставаясь жанром бюрократического и в то же время секретного, непубличного общения начальника и подчиненного. В этой переписке подчиненный стремился преувеличить свои достижения и преуменьшить неудачи, он мог себе позволить быть циничным и откровенным. Совсем другой жанр — публикация для широкой аудитории. В 1897—1901 годах в журнале «Военный сборник» появилась серия статей историка (по образованию — инженера), проходившего военную службу в Туркестане, А.Г. Серебренникова⁴³. Статьи, посвященные истории завоевания Кокандского ханства, представляли собой авторский пересказ документов и донесений того периода, которые Серебренниковым тщательно собирались и копировались. Автор ставил перед собой скромную задачу — рассказать о кокандском походе, и его не особенно интересовало, каковы были общие цели и интересы империи в регионе. Тем не менее публичный жанр заставлял его говорить во вступительном слове о необходимости и значении завоевания Кокандского ханства. С его точки зрения, оно «...является одним из важнейших событий в наступательном движении русских в Средней Азии, так как с присоединением и умиротворением Кокана Россия покончила с одним из самых сильных и беспокойных своих азиатских соседей и достигла во многих местах естественных границ, каковыми можно считать первоклассные хребты, отделяющие русские владения от Китая на юго-востоке и Индии на юге»⁴⁴.

⁴³ См.: *Горшенина С.* Крупнейшие проекты колониальных архивов России: утопичность тотальной *Туркестаники* генерал-губернатора Константина Петровича фон Кауфмана // АИ. 2007. № 3. С. 344—349.

⁴⁴ *Серебренников А. К истории кокандского похода (1897).* С. 5.

Серебрянников почти дословно переписывал второе донесение Пичугина Кауфману, придавая ему более правильную литературную форму и усиливая этим эмоциональный эффект от чтения⁴⁵. Картина, им нарисованная, опять содержала акцент на тех трудностях, которые пришлось преодолеть российским воинам, и на том суровом наказании, которому подверглись жители Ошобы. Описывая драматизм произошедшего, Серебрянников словно не видел, что в его описании действия карателей выглядят безжалостными — данный вопрос для него не стоял, хотя в отличие от Пичугина он обращался не к военному начальнику, а к широкой гражданской аудитории. Ему было гораздо важнее, что благодаря этим усилиям достигнут результат — прекращение сопротивления. Вслед за Пичугиным он повторял:

Движение части Ак-Джарского отряда в горные кишлаки северо-западной части Наманганского отдела было выполнено вполне удачно, образцово, а разгром неприятельской шайки в кишлаке Ашабе произвел на окрестных жителей глубокое, подавляющее впечатление и отбил всякую охоту противодействовать и сопротивляться русским. Это движение оказало отличное действие и на общее успокоение населения Наманганского отдела, так как все шайки мятежников, волновавших население, находили всегда хорошее укрытие именно в этой малодоступной части края, населенной воинственными племенами⁴⁶.

Верный строгому фактологическому подходу, Серебрянников не ставил перед собой вопроса о человеческих жизнях. Для него не было необходимости скрывать шокирующие подробности, напротив — десятки жертв и массовые погромы демонстрировали мощь, силу и превосходство русского оружия и российского государства, и это само по себе уже оправдывало жестокость, избавляло от какого-либо морального упрека. Это цена, которую покоренные народы неизбежно платили за достижение Россией «естественных границ» ее имперского расширения. Правда, вместе с описанием того, как российская армия «решительными действиями наводила порядок» в Ферганской долине, Серебрянников

⁴⁵ *Серебрянников А. К истории коканского похода (статья четвертая)*. С. 39—42.

⁴⁶ Там же. С. 42.

убеждал читателя, что «...значительная часть мирного и трудолюбивого населения, сильно страдавшего от междоусобий, никогда не сочувствовала беспокойному меньшинству, возбуждавшему остальных к мятежам лишь благодаря насилию, и в глубине души всегда симпатизировала русским, под управлением которых население могло безбоязненно предаваться своим обычным занятиям»⁴⁷. Впрочем, это утверждение было больше похоже на имперскую демагогию, поскольку события в Ошобе опровергали его, но автор сам не замечал этого противоречия и не искал ему никакого объяснения.

«История завоевания Средней Азии» Терентьева

Имперский нарратив — это не какая-то единая логика изложения и объяснения событий и вовсе не какой-то один автор, обладающий монополией на те или иные образы и аргументы. Это то, что создавалось в разных обстоятельствах разными авторами, обладавшими своими собственными образами и аргументами. Но в то же время у этого нарратива были и общие закономерности, сквозные темы, позволяющие говорить о нем как о едином тексте.

Например, если открыть опубликованную в 1906 году трехтомную книгу российского генерала М.А. Терентьева «История завоевания Средней Азии», которая являлась, пожалуй, самым обширным и авторитетным справочником по данной теме, то мы увидим все основные черты имперского нарратива и одновременно почувствуем авторскую интонацию. В отличие от Серебренникова Терентьев писал историю не отдельных походов и событий, а многодесятилетнего и даже многовекового завоевания Средней Азии. В этом новом масштабе имперские черты становились еще более заметными, а конкретные факты сокращались до небольших упоминаний, полностью подчиняясь логике имперского нарратива.

Несмотря на большой объем своего труда, Терентьев упоминал в нем эпизод с Ошобой, но всего лишь несколькими фразами⁴⁸:

⁴⁷ *Серебренников А.* К истории коканского похода (1899). С. 220.

⁴⁸ *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 3. С. 388.

Пичугин разбил 18-го ноября значительную шайку у горного кишлака Ашаба, который был уничтожен до основания. Отряд, отправленный в горы, состоял всего из 1 ½ роты и 1 сотни. Потеря состояла из 3 убитых и 11 раненых нижних чинов.

Почему этот эпизод неинтересен военному историку?

Первое объяснение — Терентьев вводил градацию существенных событий и несущественных, то есть достойных подробного рассказа, упоминания или забвения. В изложении Серебrenникова история тоже имела разную степень детализации описания тех или иных событий, но он скорее следовал за документами и тем, насколько подробно сами первичные материалы отражают определенное событие. Терентьев же, который имел доступ к неопубликованным и опубликованным (тем же Серебrenниковым) документам, выстраивал собственную иерархию фактов, подразумевая разную их значимость в общей картине завоевания Средней Азии⁴⁹. Значительную часть своего рассказа о кокандском походе он посвятил интриге взаимоотношений между Кауфманом, его первым заместителем Колпаковским и Скобелевым, которая была важнее для Терентьева, чем боевые действия в Кураминских горах.

Есть и второе объяснение. Терентьев подверг некоторой коррекции ту жестокую бесстрастность, с какой описывали завоевание Средней Азии многие его предшественники и современники. Он не скрывал того, что произошло с кишлаком, но и не вдавался в детали, не описывал и не смаковал ужасы (те же трупы в горящих домах), не занимался подсчетом числа убитых противников. Почему он этого не делал? Можно было бы предположить, что автор скрывал ужасы войны от впечатлительного и морализирующего читателя, который вдруг стал бы задавать вопросы о человеческой цене войны. Однако была более прозаическая причина: Терентьев довольно критически оценивал действия военных, в том числе те сведения, которые они представляли в своих рапортах. Как он писал во введении, «...не желая быть рабом реляций, я относился к ним критически: панегириков я писать и не собирался, а правду высказать не

⁴⁹ Примечательно, что в начале XX века на сборник документов о завоевании Средней Азии, собранных Серебrenниковым, накладывается гриф секретности, который, правда, потом сняли.

боялся, мало заботясь о том, понравится ли это тому или другому из деятелей, прославленных уже и превознесенных на полях Средней Азии»⁵⁰.

Желание знать «настоящую, не приукрашенную и не закрашенную правду» означало для Терентьева не столько описание всех жестоких подробностей боя, сколько сомнение в правдивости той информации, которую давали генералы, старавшиеся произвести впечатление на публику и начальство. В частности, Терентьев был явно «неравнодушен» к Скобелеву, придирчиво и недружелюбно следил за всеми его действиями и отмечал его стремление приписать себе несуществующие или не только собственные заслуги. Он иронизировал над имперским героем, позволяя себе фразы вроде «Неприятель потерял до 3800 человек, по счету Скобелева (чего жалеть бумагу и басурман!)», ставя тем самым победы и успехи последнего под сомнение⁵¹. Гигантские цифры потерь кокандцев, в которых соревновались российские генералы и офицеры, вызывали у военного историка скепсис, что, возможно, и стало одной из причин игнорирования многих военных событий в его книге.

Следовательно, рассказ, который был создан Терентьевым, вовсе не был таким уж прямолинейным и не критичным. Он видел ошибки и даже преступления тех, кто представлял империю, тем более что они были объективно направлены против российского закона или русской чести, то есть, в конечном счете, против самой империи. Автор не скрывал, что многие генералы и офицеры жаждали новых наград, которые Кауфман щедро раздавал подчиненным за любые, даже мнимые заслуги. Такая критика внутри самого имперского нарратива некоторых действий империи, безусловно, являлась данью публичному жанру серьезного исследования. Одновременно она была и шагом в развитии имперского нарратива, который искал новых аргументов и новой риторики своего оправдания⁵² и вовсе не был во всех своих проявлениях лжив и бесчужден, а мог быть вполне ироничным и наблюдательным.

Терентьев, конечно, не отрицал всех жестокостей и потерь. Как и Серебрянников, он вынужден был оправдывать их неизбежностью

⁵⁰ *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. СПб.: [б.и.], 1906. Т. 1. С. XVII.

⁵¹ *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. СПб.: [б.и.], 1906. Т. 2. С. 384.

⁵² Основная часть работы Терентьева была подготовлена еще в 1869—1872 годах, но не получила одобрения из-за критических высказываний, к ее завершению автор вернулся только в 1895—1899 годах.

и целесообразностью произошедшего. В первом томе своей книги Терентьев нарисовал общую картину, предлагая развернутую аргументацию, обосновывающую завоевание Россией Средней Азии⁵³:

Одолов одного врага, Россия тотчас же должна была справиться с другим <...>; в этом как будто и состоит ее дальнейшее призвание: орда за ордою является к ее пределам, стучится, так сказать, в дверь Европы, но суровый страж бесцеремонно выпроваживает непрошенного гостя <...> История дальнейшего движения нашего на восток характеризуется, в общих чертах, таким образом: соседство с дикими, не признающими ни международных и никаких прав, кроме права силы, вынуждало нас укреплять границы линией крепостей; под защиту этих крепостей являлись, по временам, с просьбою о правах гражданства, то есть о защите, дикие племена, теснимые более сильными; эти новые подданные через несколько времени оказывались хуже врагов; нам приходилось или задавить их окончательно, или прогнать, но и в том, и в другом случае необходимо было оцепить занятую ими территорию рядом новых укреплений, — являлась, значит, новая линия <...> Так перекатными линиями и продвигается Русь на восток в тщетной погоне за спокойствием. И не найдет она этого спокойствия, пока не дойдет до народа, уважающего договоры, народа настолько цивилизованного, чтобы не жить грабежами и разбоем, и настолько сильного, чтобы не допускать нарушения наших границ разбойничьими набегами своих шаек.

В этом отрывке мы видим и отождествление России с Европой, и причисление ее к «цивилизованным» странам, но оправданием для завоеваний является не благородная миссия помощи и просвещения соседних народов, как это станет популярным в других версиях имперского нарратива, а вынужденная защита от «дикарей». В описании Терентьева Россия парадоксальным образом оборонялась, продвигаясь в глубь среднеазиатских территорий и подчиняя их себе. Россия стремилась «нести мир и порядок», но «азиатцы» неизменно нарушали договоры, обманывали, не слушались, за что терпели справедливое и умиротворяющее наказание.

⁵³ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. С. 6, 7.

Начиная с 1930-х, и особенно в 1950-е годы, имперский нарратив, упакованный в марксистскую риторику прогресса, опять вернулся в научную и публицистическую литературу⁵⁴, а в 1990-е и 2000-е годы получил новый импульс на волне постсоветской имперской ностальгии⁵⁵. Оправдание империи, артикулированное в рассуждениях о «естественных границах» и «защите от варваров», сместилось к поиску «закономерных, объективных» процессов развития и положительной деятельности имперских чиновников на благо местных жителей. В этом новом варианте имперскому нарративу и вовсе перестала быть нужной тема жертв и сопротивления — она практически исчезла из поля зрения, была забыта. Эпизод с завоеванием Ошобы больше не привлекал внимания российских историков.

Национальный нарратив

Участники и свидетели

Имперский нарратив имеет то существенное преимущество, что он воспроизводится в огромном числе документов, которые империя создавала и потом сохраняла в архивах, а также в многочисленных научных, публицистических и художественных работах, написанных за многие столетия. Такая масса текстов сама по себе создает условия для диспропорции между разными мнениями и, соответственно, для доминирования имперской точки зрения над всеми другими.

И все же очевидно, что те, кто воевал с Россией, вовсе не были молчаливой стороной — они думали и говорили о происходившем, обсуждали, создавали свои рассказы. В значительной части последние имели устную форму и не сохранились для историков в полном объеме.

⁵⁴ См., например: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965; *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII — 80-е годы XIX в. М.: МГУ, 1984. С. 209—315.

⁵⁵ См., например: *Глуценко Е.А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010 (о завоевании Кокандского ханства: С. 214—231).

Что-то записывалось в виде призывов и донесений — эти документы тоже пропали, за исключением очень редких и случайных текстов, которые сохранились, например, в тех же имперских архивах. Я нашел один такой текст — прокламацию кокандцев, сохранившуюся в русском переводе⁵⁶:

Прокламация Ак-Бута-Бека и Муллы-Нур-Мухамеда (перевод от 31 октября 1875 г.) за печатью Ак-Бута-Бека, сына Абдулгафара, и Муллы-Нур-Магомеда из Гудаса.

Аксакалам и аминам [старшина крупного селения, в его подчинении могло находиться несколько аксакалов] кишлаков: Пунука, Ашта, Гудаса, Пыскаката [Пискокат], Шайдана, Ашабы, Пангаса [Пангаз]. Проклятые русские в воскресенье рано утром ушли из Ак-Джара в Камыш-Курган. Все вы, старшие и младшие, соберитесь во имя Газата [война, которую ведут воины-мусульмане за веру] и во имя мусульманской веры и встретьте их на Бардын-Куле. Этой службою вы сделаете угодное Богу дело. Для этого посылаем Мама-Захид-Юз-Баши [юзбаши — сотник; здесь есть приписка — «родом из Гудаса»⁵⁷]; отправьтесь с ним и служите вместе.

Из этого документа видно, что кокандские отряды имели налаженную разведку и поддерживали связь между собой, соблюдая необходимую военную иерархию. Обращает на себя внимание, конечно, сугубо религиозная риторика, которую используют руководители сопротивления для идеологической мобилизации людей, — ссылки на богоугодность и необходимость священной войны против неверных.

Существует также несколько сочинений, написанных местными авторами, в которых была предпринята попытка изложить ход событий времен завоевания и осмыслить произошедшее⁵⁸. Что любопытно, эпи-

⁵⁶ ЦГА РУз, ф. 715, оп. 1, д. 64. Л. 377. Оригинал документа отсутствует.

⁵⁷ Упоминание двух лиц родом из Гудаса, ближайшего к Ошобе селения (входящего сегодня в сельский совет/джамоат Ошоба), говорит о том, что жители этого небольшого таджикского кишлака играли значительную роль в сопротивлении, хотя население не стало вступать в военные действия, когда отряд Пичугина после разгрома Ошобы прибыл туда.

⁵⁸ См.: *Веселовский Н.* Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. СПб.: [б.и.], 1894.

зод завоевания Ошобы был кратко запечатлен в одной из таких исторических хроник — «Тарих-и-джадида-йи Ташканд». Ее автором являлся ташкентский религиозный деятель Мухаммад-Салих-ходжа Ташканди. Он родился в Ташкенте примерно в 1830 году, начальное образование получил у своего деда — муллы Абдурахима-ходжи, жил в Коканде, Бухаре и Самарканде, начиная с 1863 года служил имамом в одной из ташкентских мечетей и был непосредственным свидетелем захвата города российскими войсками, умер предположительно в 1909/1910 году. Над своим трудом Мухаммад-Салих работал в течение 25 лет, с 1863 по 1887/1888 год⁵⁹.

Рассказывая о боях за Наманган в октябре—ноябре 1875 года, Мухаммад-Салих писал о военных отрядах, которые пришли на помощь русским, — речь шла, видимо, об отряде Пичугина⁶⁰:

Они прошли через предгорья селения Шахидан [Шайдан] и остановились у селения Ашти, что напротив селения Ашаба, в непосредственной близости к ним. Мусульмане и моджахеды [воины за веру] этих селений узнали об этом, стрелки того упомянутого сообщества [Ошоба] начали обстреливать [нападавших] и ввязались в бой. То сообщество проявило удивительное усердие и старание. И в это время Мирза Абдаллах бик [Мирза-Абдулла], по прозвищу Пансад-гази [пансад/пансадбаши — пятисотник, гази (*гозий*) — воин за веру] из потомков Мулла Рахматаллаха Пансад-баши, был известен своей подлостью и презренностью и тем, что был у русских осведомителем и проводником в горных и степных дорогах, довел до этого селения

⁵⁹ См.: *Гулямов Я.* Новый источник по истории завоевания Туркестана русским царизмом // *Известия Узбекстанского филиала АН СССР.* Ташкент. 1941. № 4. С. 81—83; *Султонов У.А.* Мухаммад Солиххўжа ва унинг «Тарихи жадидаи Тошканд» асари. Тошкент: Ўзбекистон, 2009. С. 13—41 (на узбекском языке).

⁶⁰ *Мухаммад-Салих-ходжа.* Тарих-и-джадида-йи Ташканд / Рукопись Института востоковедения Академии наук Республики Узбекистан, № 7791 (1040 л.). Л. 804б, 805а. Я выражаю большую признательность Бахтияру Бабаджанову за перевод этого отрывка и комментарии к нему. Я хочу также указать на работу Т. Бейсембиева, благодаря которой удалось найти это упоминание Ошобы: *Beisembiev T.* Annotated Indices to the Kokand Chronicles. Tokyo: ILCAA—91, 2008.

[Ошоба], затем неизвестное число [число, которое невозможно пересчитать] мусульман из селения Ашаба сделали шахидами [погибшие за веру], ограбили и подожгли дома. От того селения они отправились в Шахидан. Там они избili своими пистолетами одного из ученых людей, а Касимбая, которого люди считали своим близким учителем, и Баба Шахида приказали избить палками. У людей Шахидана они взяли штраф. Из селения Шахидан они обратили свои стремена насилья к городу Наманган. И через некоторое время они [отряд русских] присоединились к христианам.

Описание событий в Ошобе у Мухаммад-Салих-ходжи довольно точно повторяло то, что было в донесении Пичугина и других имперских источниках: карательная экспедиция военного отряда в горы; наказание двух авторитетных лиц (аксакалов) в Шайдане; жестокий бой в Ошобе, закончившийся сожжением кишлака; помощь Мирза-Абдуллы российским военным. Разница была лишь в том, что он чуть более подробно рассказывал об участниках событий с кокандской стороны и не давал никаких деталей о русских, которые для него, как и местные жители для Пичугина, представляли единое враждебное сообщество. Существенное же отличие состояло в том, что автор говорил о поражении, а не о победе, и размышлял о его причинах:

Люди Ферганы вступили в распри. Шли брат на брата, племена на племена, городские на степняков, подчиненные на хозяев, простые люди на бедняков, падишахи на дервишей. И наступил великий разброд. И у смутьянов появилось желание без всяких прав захватывать имущество людей, воссев на трон управления, завладеть их дворами и землями, не брезгуя даже покушением на их жен, детей и их семьи и слуг. А в войне за власть поднявшие смуту и мятеж стали чинить бесправные убийства. Они убивали безо всяких шариятских прав потомков тех, кто многие века и годы были правителями и высокородными принцами, величественными сайидами [потомки пророка Мухаммада], квинтэссенцией и отпрысками благородных семей.

В этом продолжении видно, как Мухаммад-Салих-ходжа сместил акцент с жестокостей, творимых русскими, на печаль и сожаление по поводу смуты и жестокостей, которые совершались в самом кокандском обществе — по отношению друг к другу. Мусульмане перестали следовать шариатским нормам, нарушили предписания ислама, отвергли порядок, который зиждется на мусульманской традиции, — это и стало причиной поражения в борьбе с русскими. Религиозный аргумент и здесь являлся главным риторическим элементом исторического нарратива⁶¹.

Впрочем, в представленной религиозной риторике можно увидеть еще и своеобразный местный патриотизм. Сожаление Мухаммад-Салих-ходжи о распрях внутри Кокандского ханства — обратная сторона его представлений об идеальном обществе, которое не имеет внутренних противоречий и способно противостоять иноземному завоевателю; в таком обществе различные социальные слои существуют в гармонии, а власть находится в руках легитимной наследственной элиты. Такое воображаемое ташкентским хронистом общество можно было бы даже назвать протонациональным, хотя для превращения в национальное ему не хватало множества необходимых элементов — представления о едином наименовании, едином языке и единой культуре, светского взгляда на эволюционное развитие истории, сильного антиимперского пафоса и так далее.

И еще одно замечание. Говоря о точке зрения Мухаммад-Салих-ходжи, я не хочу тем не менее создать впечатление, что его позицию разделяли все жители Кокандского ханства. Мухаммад-Салих-ходжа представлял в своем сочинении особую точку зрения религиозного интеллектуала, который выражал интересы определенной социальной и даже региональной группы. Он сам смотрел на Ошобу извне, что тоже можно считать чертой протонационального взгляда, который подразумевает идеологическое превосходство говорящего над аудиторией.

⁶¹ Характеристику взглядов Мухаммад-Салих-ходжи см.: *Бабиджанов Б.* Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио; Ташкент: ТИАС, 2010. С. 30—31, 265—266, 535—536, 538, 549—552.

Интерпретация Абдуллаева

Процесс формирования национального нарратива прошел несколько этапов: от мусульманских прогрессистов (джадиды и другие⁶²), затем большевистской антиколониальной критики 1920—1930-х годов, оставившей след во всей дальнейшей советской академической традиции⁶³, и до публицистических и художественных произведений эпохи Хрущева и Брежнева, в которых в лояльной к советскому строю форме разрабатывались самые разнообразные сюжеты национальной истории и культуры. И наконец, получив независимость в начале 1990-х годов, среднеазиатские национальные нарративы восприняли антиимперскую и антисоветскую риторику, которая должна была обосновать распад СССР и легитимировать возникновение новых государств. Безусловно, окончательно сформировавшиеся в последние десятилетия национальные нарративы сыграли значительную роль в раскрытии новых тем и источников, в снятии запрета на обсуждение целого ряда замалчивавшихся в советскую эпоху фактов и проблем, в преодолении империоцентричного взгляда на историю, который был заменен на националистичный.

После длительного, почти 90-летнего, забвения эпизод завоевания Ошобы вновь оказался в публичном поле зрения. 10 апреля 1992 года, когда Узбекистан уже был провозглашен независимым государством, в газете «Литература и искусство Узбекистана» появилась большая, на два полных разворота, статья Ортыка Абдуллаева «Трагедия Ошобы», написанная по-узбекски⁶⁴. В поисках исторической правды автор статьи

⁶² См.: *Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1998.

⁶³ Например, в «Истории Узбекской ССР», изданной в 1968 году, события 1875—1876 годов интерпретируются как народное восстание против Худоярхана и царских колонизаторов. Хотя эти события названы не завоеванием, а присоединением, автор не жалеет эпитетов, именуя российские войска «карательными отрядами», целью которых были «жестокая расправа» и «подавление восстания» народных масс (*Иноятов Х.Ш. Восстание 1873—1876 гг. и завоевание Кокандского ханства // История Узбекской ССР: В 4 т. Т. 2. От присоединения узбекских ханств к России до Великой Октябрьской социалистической революции / Х.З. Зияев (отв. ред.). Ташкент: Фан, 1968. С. 29—37*).

⁶⁴ *Абдуллаев О. Ошоба фожияси // Ўзбекистон адабиети ва санъати. 1992. 10 апреля.*

решил обратиться не к малочисленным и труднодоступным местным источникам, а к имперским текстам, что позволило ему найти факты для создания национальной интерпретации завоевания Россией Средней Азии. В числе таких текстов Абдуллаев обнаружил работу Серебренникова в журнале «Военный сборник», которую он прочитал, по его словам, в библиотеке в Москве (о том, что первичные материалы, легшие в основу статей Серебренникова, хранятся в ташкентском архиве, он не догадывался). Имперский рассказ был актуализирован и, что парадоксально, стал неотъемлемой частью национального текста, ссыла же на московскую библиотеку послужила, как это ни странно на первый взгляд, для легитимации национального нарратива.

Собственно, «Трагедия Ошобы» представляла собой подробный пересказ тех мест из статей Серебренникова, где говорилось о карательной экспедиции Пичугина. После рассказа о том, что жители Шайдана и Пангаза подчинились русским без сопротивления, Абдуллаев привел длинную цитату, в которой описывался бой в «маленьком горном кишлаке», то есть в Ошобе. Это противопоставление выглядело едва заметным упреком в адрес таджиков, составляющих основное шайданское и пангазское население, и стремлением подчеркнуть разницу между двумя народами. Но главной темой статьи являлось, конечно, не описание узбекско-таджикских различий, а критика империи, причем окрашенная в яркие эмоциональные тона.

Автор писал, что, прочитав работу Серебренникова, «несколько дней не мог прийти в себя»:

Боль и сожаление, печаль и страдание разрывали мою душу. У меня было неприятное впечатление, что даже дождь, непрестанно лившийся в эти дни, плачет вместе со мной, облегчая свою душу.

Почему эти данные о пролитой крови скрывались и не печатались⁶⁵, почему вместо этого говорилось только о прогрессивном значении присоединения — вопрос, который задавал себе автор.

⁶⁵ К слову, журналы со статьями Серебренникова и многие подобные материалы не были под запретом, и любой читатель имел к ним доступ.

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

Завоевая край, эта беспощадная группировка реками лила человеческую кровь. Были разрушены тысячи громадных зданий, сотни сел и больших городов сожжены, превратились в пух и прах. Мужественные соотечественники, наши предки, которые ставили честь и достоинство превыше всего, не сдались врагам. Они сражались за Родину, за каждый клочок священной земли, отдавая свою жизнь достойно. Отвага ошобинцев — маленький, но показательный пример этих ни с чем не сравнимых сражений. Читая об этом, я был потрясен тем, как миролюбивые и отважные жители этого села сражались с врагом лицом к лицу до последнего вздоха, даже женщины считали для себя позором покориться врагу, ставя выше свою честь. В то же время трагедия этого кишлака показывает подлинное лицо русских оккупантов. Она раскрывает живые доводы о том, что они в виде одолжения принесли в этот край спокойствие, свободу, равноправие и культуру.

Текст Абдуллаева был построен на сочетании, с одной стороны, пафоса разоблачения ужасных преступлений российских завоевателей и, с другой стороны, гордости за героизм и страдания ошобинцев. При этом он весь являлся буквально зеркальным отражением имперского взгляда на события: если Пичугина, Серебренникова и Терентьева занимали подвиги и страдания русских воинов, тогда как местные жители были изображены, с некоторыми оговорками, в виде фанатичной, жестокой и неблагодарной массы, то у Абдуллаева, наоборот, русские оказались жестокими и коварными, а местное население героически сражалось с врагом и приносило священные жертвы во имя свободолюбия. Как имперские историки при описании завоевания не видели серьезных внутренних конфликтов в своем собственном обществе и среди покоряемого населения, так и национальный журналист-историк отказался видеть в произошедшем множество разных интересов и мотивов, сведя их к схематичному противостоянию двух сторон.

«Я в кишлаке Ошоба не был», — продолжал Абдуллаев:

Я еще не видел потомков — внуков, правнуков тех героев, которые не щадили своей жизни в борьбе за независимость Родины. Но думаю, что стоит гордиться ошобинцами, которые смогли сохранить в своих

сердцах свободолюбивый дух и доблесть далеких предков, за то, что они родились в одном из героических кишлаков Туркестана.

Ссылаясь на примеры того, как сами русские чтят память погибших на Куликовом поле, под Бородино и в Севастополе, автор спрашивал: «Почему мы их [жертв борьбы с империей. — *С.А.*] не помним, не почитаем, не возвеличиваем?» — и затем предлагал в каждом кишлаке поставить памятники погибшим в ходе завоевания. Закончил свою статью он так:

Может быть, первыми начать это святое дело дать ошобинцам? <...>
Сегодня, в великие праздничные дни достижения нашей Республикой независимости, я преклоняюсь перед духом мучеников-ошобинцев. Пусть их чистый дух удостоится благодарности Аллаха. Аминь!

Абдуллаев не писал в своей статье об Узбекистане и узбеках, а говорил о Туркестане как об общей родине. Однако это обманывало читателя и создавало иллюзию, что между разными постсоветскими государствами нет противоречий, в том числе по поводу интерпретации истории. Этот невольный обман становится очевидным, когда мы вспоминаем, что Ошоба находится на территории Таджикистана (о чем, видимо, Абдуллаев не догадывался?) и апелляция к «мы» в данном случае не срабатывает. Ошобинцы никак не могли участвовать в празднике независимости Узбекистана. Призыв Абдуллаева начать строить памятники в Ошобе оказался направленным в пустоту, и кишлак опять был вычеркнут из истории, только теперь не из-за стыдливой забывчивости имперского нарратива, а из-за острого противостояния двух соседних национализмов.

Подмена и забывчивость

В книге известного узбекского историка Хамида Зияева «Борьба против вторжения и гегемонии России в Туркестане (XVIII — начало

XX века)», изданной на узбекском языке и полностью посвященной истории среднеазиатского сопротивления российскому вторжению, мы тоже встречаем упоминание эпизода о сражении в Ошобе⁶⁶:

18 октября 1875 г. полковник Пичугин, войдя в Ашобу и вступив в бой с восставшими, уничтожил кишлак до основания. В этом бою трое захватчиков были убиты, 11 ранены. Участники восстания были сурово наказаны.

Хотя ссылка на источник отсутствует, видно, что фраза в книге Зияева очень напоминает фразу из третьего тома «Истории» Терентьева, переписанную, разумеется, в новом ключе. Из заметных изменений (не считая ошибки в дате) отмечу замену «значительной шайки» на «восставших», «нижних чинов» на «захватчиков» (*боққинчи*) и добавление последнего предложения о «суровом наказании», что соответствует истине, но меняет эмоциональное восприятие информации. Мы опять видим, что имперские тексты включаются в национальный нарратив с зеркальной перестановкой акцентов⁶⁷. К тому же Зияев говорит о сражении в Ошобе, не упоминая исторического контекста, поэтому читателю не ясно, где находится кишлак и почему там произошел бой. Собственно, сама событийная канва в данном случае не интересна автору, которому важнее показать столкновение и его ужасные последствия.

Есть еще один пример упоминания эпизода в Ошобе — в узбекской учебной литературе. Речь идет о школьной хрестоматии «Архивные источники для изучения истории Узбекистана», предназначенной для восьмого класса⁶⁸. В ней приведена фотография очень плохого качества с подписью, что это изображение «уничтожения» населения ферганского кишлака Ошоба (Илл. 3). На ней угадываются пять-шесть российских, судя по форме, военных с оружием, в теплой одежде, во-

⁶⁶ Зиев Х. Туркистонда Россия тажовузи ва хукмронлигига қарши кураш (XVIII—XX аср бошлари). Тошкент: Шарқ, 1998. С. 351 (на узбекском языке).

⁶⁷ К слову, у Зияева часто приводятся цитаты из произведений Мухаммад-Салих-ходжи и других местных хронистов, что делает его книгу полифоничной по содержанию.

⁶⁸ Раҳимов Ж. Ўзбекистон тарихини ўрганишда архив манбаларидан фойдаланиш. Тошкент: Ўқитувчи, 1995 (на узбекском языке).

Илл. 3. Спорная иллюстрация в школьной хрестоматии

круг них опять же угадываются лежащие тела, видимо, убитых людей. В тексте хрестоматии нет никаких пояснений к этой фотографии, она просто представлена как иллюстрация, без ссылок на источник и его автора⁶⁹. Ни в военных донесениях, ни у Серебренникова не было никакой информации о том, что в отряде Пичугина находился фотограф. Я вообще никогда не встречал фотографий, посвященных кокандскому походу 1875 года. Само изображение тоже несколько странное: одежда военных выглядит слишком теплой для ноябрьских дней в Ферганской долине, даже если речь идет о горах.

По моей просьбе один из наиболее осведомленных в истории Туркестана ученых, Валерий Германов, дает такой комментарий к этому изображению: «На снимке изображена группа вооруженных казаков из шести человек в одежде партизан периода Гражданской войны 1918—1922 гг. (на них — тулупы, куртки, солдатские шинели; на ногах валенки;

⁶⁹ Я попытался выяснить, откуда автор взял эту фотографию, но ссылки то на «Туркестанский альбом», то на художника В.В. Верещагина, то на анонимные фонды кино- и фотоархива под Москвой не помогли установить первоисточник.

на головах — папах с лентами). Можно предположить, что это казаки из так называемой партизанской дивизии, впоследствии Семиреченской армии атамана Анненкова, действовавшей в Семипалатинской губернии и Семиречье с осени 1918 г. по весну 1920 г. Анненковцы отличались невероятной жестокостью в подавлении крестьянских восстаний. На снимке перед казаками изображены убитые повстанцы — русские крестьяне. На убитых валенки. Жители Ферганы валенок не носили».

Является ли данная фотография подменой или нет, случайна ли эта вероятная подмена или сознательна — в общем, вопросы второстепенные, принимая во внимание в том числе то обстоятельство, что карательная экспедиция в Ошобу с огромными жертвами среди местного населения действительно имела место; этого не скрывали сами российские военные. Однако случай с фотографией в школьной хрестоматии показывает: многие авторы, создающие свои версии национального нарратива, стремятся сделать главный и единственный акцент именно на этих жертвах, чтобы всеми — текстуальными и визуальными — средствами показать колонизаторов исключительно жестокими и беспощадными завоевателями, которые стремились подчинять, господствовать, эксплуатировать. Никакие другие мотивы колонизаторов в расчет не принимаются. Колонизаторы предстают как нечто целое и чаще всего описываются как другая нация — в нашем случае это русские⁷⁰.

Несколько слов о таджикском нарративе и узбекском меньшинстве

Имперский и национальный нарративы сами по себе не являются монолитными и непротиворечивыми. Внутри каждого из них есть свои версии, свои конфликты интересов и возможностей.

Когда я читал и подбирал разные тексты по истории завоевания Средней Азии, мне сразу бросилось в глаза, что таджикская историография оценивает процесс включения региона в состав Российской

⁷⁰ Замечу, кстати, что российская армия, вторгнувшаяся в 1875 году в Фергану, включала в свой офицерский и рядовой состав людей разных культур, как мы сегодня сказали бы — разных национальностей.

империи гораздо позитивнее. Нынешний таджикский нарратив говорит о своей истории и культуре тем же эссенциалистским языком, что и узбекский, в его логике таджикская нация — это единое сообщество, которое постоянно борется с внешними врагами. Однако таджикские историки не фокусируются на периоде Российской империи и не занимаются коллекционированием темных страниц этого периода. Российское завоевание Ходжента и других городов, относящихся к современному Таджикистану⁷¹, не воспринимается как национальная травма, и этой темой мало кто из исследователей занимается. Скорее в качестве исторического соперника в таджикском нарративе выступает узбекский национализм, который описывается как своего рода мини-империя и главный конкурент в символическом присвоении территории и культурного наследия⁷².

Такая разница между таджикским и узбекским национальными нарративами в случае с Ошобой имеет принципиальное значение, поскольку населенный узбеками кишлак находится на территории Таджикистана.

В Таджикской Республике отсутствует отдельный официальный национальный нарратив для узбекского меньшинства, проживающего в этой стране. Таджикские узбеки, составляющие около 15—20% населения и, разумеется, представленные в политической и культурной элите, не создают своей отдельной истории и не стремятся на политическом и государственном уровне выделиться в замкнутое сообщество, а, напротив, мимикрируют, подстраиваются под доминирующий язык таджикоцентризма или даже иногда перенимают таджикское самосознание⁷³. Узбекистан, в свою очередь, тоже не стремится выстраивать

⁷¹ Таджикские историки считают своими национальными городами Бухару и Самарканд, но военные действия России против Бухарского эмирата и жестокие бои в Самарканде в 1868 году также не являются предметом их интереса.

⁷² См. известную трилогию таджикского историка Рахима Масова: *Масов Р. История топорного разделения*. Душанбе: Ирфон, 1991; *Он же. Таджики: история с грифом «совершенно секретно»*. Душанбе: Центр издания культурного наследия, 1995; *Он же. Таджики: вытеснение и ассимиляция*. Душанбе: Национальный музей древностей Таджикистана, 2004. О символическом конфликте узбеков и таджиков см.: *Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности*. СПб.: Алетейя, 2007.

⁷³ Так же в большинстве случаев поступают и таджики (или ираноязычные группы населения), живущие в Узбекистане.

какую-то специальную политику по отношению к узбекским меньшинствам в других странах, в результате люди, записанные или чувствующие себя узбеками, но живущие за пределами Узбекистана, не осознают своей общности с Узбекистаном и не имеют с ним постоянных связей символического характера, не испытывают на себе идеологического и пропагандистского влияния и не переживают вместе с узбекскими гражданами чувства боли за павших в борьбе с империей и чувства радости за обретение долгожданной национальной независимости.

В противостоянии двух национальных нарративов — узбекского и таджикского, имеющих свои территориальные и государственные проекции, образуются символические периферии или зоны умолчания, которые создателями узбекского и таджикского нарративов не осваиваются. В этих зонах возникают свои, альтернативные нарративы, а чаще преобладают и даже консервируются локальные рассказы, описывающие историю с точки зрения каких-то региональных интересов и идентичностей.

Локальный нарратив

Есть ли другие голоса?

Символический конфликт между узбекским и таджикским национальными нарративами показывает нам зоны и пространства, где могут существовать другие голоса, которые можно было бы назвать голосами или нарративами подчиненных. Я полагаю, что в Средней Азии нет одного-единственного доминирующего национального нарратива — до него, рядом с ним, внутри него, «под ним» всегда возникали и существовали другие нарративы. Это могли/могут быть голоса низших классов среднеазиатского общества, женщин, разного рода культурных и религиозных меньшинств, локальных и профессиональных групп, которые воспринимали/воспринимают разные события прошлого и настоящего с какой-то своей точки зрения, производят свои интерпретации, исходят из своих интересов, дают свои объяснения и свою логику описания.

Национальный нарратив, как правило, отвергает эти интерпретации и не замечает, например, те слои и группы, которые получили выгоду от империи, в лучшем случае просто игнорируя их, в худшем — называя предателями.

Я хотел бы заметить, что подчиненные были не только со стороны тех, кого завоевывали, но и со стороны тех, кто завоевывал. Историю покорения и присоединения Средней Азии к Российской империи мы обычно изучаем по донесениям военных офицеров и генералов, а также по трудам имперских военных историков, для которых война и колониальные завоевания были неизбежными и справедливыми. Но мы не слышим, например, голосов обычных солдат, бывших крестьян, или казаков, которые шли под пули неприятеля и лицом к лицу сталкивались с местным населением. Что ими двигало в действительности — воинский долг, угроза наказания, перспектива поощрения или еще что-то? Как они представляли себе свою миссию, в какой степени осмысливали и разделяли имперские цели? Мы не различаем точек зрения российских меньшинств — поляков, грузин, евреев, украинцев и других, кто составлял значительную часть мира колонизаторов. Мы не слышим голосов гражданских лиц — санитаров, женщин или переводчиков из числа татар или казахов, которые находились в обозе военных и наверняка создавали в своем воображении собственную версию происходящего. Только по крупицам каких-то воспоминаний и сведениям из других источников мы можем реконструировать их мысли и восприятие тех событий.

Приведу в качестве примера воспоминания В.П. Наливкина, которые относились как раз к ноябрю 1875 года. Они напрямую Ошобы не касались, но передавали в какой-то мере настроения тех дней, когда полковник Пичугин писал свои донесения Скобелеву и Кауфману с призывами к «диктатуре»:

Когда мы обходили кишлак с восточной стороны, перед нами открылась такая картина: под острым углом к нашему магистралу, направляясь к видневшимся вдали песчаным барханам, враспынную бежали безоружные мужчины, женщины и дети. Дальше, между барханами, виднелось несколько арб, чем-то нагруженных и уходивших по дороге в Токайли и Маргелан.

Скобелев, ехавший в 20—30 шагах перед нашим дивизионом, командовал: «Шашки — бой! Марш-марш!» Сотенные командиры приняли команду, и казаки ринулись карьером; а Нил [штабс-капитан артиллерии Нил Николаевич Куропаткин], которого Скобелев не мог не слышать, обернувшись к дивизиону, крикнул: «Не смей вынимать шашек! Рысью!»

Я так и обомлел. Помню: первое, что шевельнулось внутри меня, это — страх за Нила, которого я любил от всей души. Мы сейчас отстали от Скобелева и от сотенных казаков.

Но так как раньше сотни шли на флангах дивизиона, то на первое время между нами образовался довольно большой интервал, в котором бежал безоружный сарт с ребенком на руках.

Нил первый увидел, что на него несутся два казака, и крикнул мне: «Володька! Скачи! Убьют!»

С криком — «не смейте трогать; не смейте трогать» — я понесся к сарту; но было уже поздно: один из казаков махнул шашкой, и из рук оторопевшего, обезумевшего сарта выпал на землю несчастный 2—3-летний малютка с глубоко рассеченной головой. У сарта, кажется, была рассечена рука. Окровавленный ребенок судорожно вздрогнул и кончился. Сарт дико-блуждающими, расширенными глазами бессмысленно смотрел то на меня, то на ребенка.

Не дай Бог никому пережить такого ужаса, который я пережил в эту минуту. Я чувствовал, что какие-то мурашки ползут у меня по спине и по щекам и что-то сжимает мне горло, отчего я не могу ни говорить, ни дышать. Я много раз видел убитых и раненых; я видал раньше *смерть*, но такого ужаса, такой мерзости, такого позора воочию я еще не видал. Для меня это было ново.

Подошел дивизион, и мы пошли дальше. Везде трупы зарубленных или застреленных безоружных мужчин, женщин и детей. Пройдя с полверсты, мы увидели такую картину: под крутым отвесным берегом широкого сухого арыка лежит целый ворох женских и детских трупов; немного в стороне, лицом кверху и с раскинутыми руками, лежал труп, по-видимому, застреленной в грудь молодой красивой сартянки.

Какой ужас! Какой позор! Мы, русские воины, не найдя сколько-нибудь достойного противника, занимаемся зверским избиением женщин и детей! <...>

Я пошел бродить по бивуаку. Подхожу к артиллерийскому взводу: вижу, казак, рядовой, с крагой [накладные голенища с застежками] на ноге, нянчит грудного сартовского ребенка. Я знал этого казака лично, потому что раньше, до моей командировки в Петро-Александровск, некоторое время он служил у меня драбантом [денщиком]. К сожалению, я не помню его имени и фамилии.

«Где, — спрашиваю, — взял?» «В кишлаке, ваш-бродь, подобрал. Так что жалко очинно, ваш-бродь; робеночек махонький, квольый; еже бросить, безпременно пропадет; опять же не знаю, куда, то-исть, мне его определить».

Так как я взялся говорить только одну правду, то должен сказать, что, к стыду моему, я не знаю, удалось ли сердобольному казаку «определить» куда-либо «кволага робеночка».

Продолжая бродить по бивуаку и по опустевшему кишлаку, я все думал и думал⁷⁴.

Действительно ли такой случай имел место, или Наливкин его придумал, пытаясь как-то уравновесить рассказ о жестоких побоищах, — невозможно проверить. Однако сомнения автора, которые появились спустя годы после описываемых событий, говорят о том, что отношение со стороны русского офицера к происходившему могло выходить за рамки официального имперского нарратива.

Гегемония нарративов

Имперский и национальный нарративы возникли и существуют вне самого кишлака, но ошобинцы имеют о них свое представление. Имперский нарратив в советское время транслировался через школьные и институтские программы, через телевидение, газеты, книги, которые в 1950—1980-е годы были доступны местным жителям как в самой

⁷⁴ *Наливкин В.* Мои воспоминания о Скобелеве // *Русский Туркестан.* 1906. № 119, 120. Свои воспоминания Наливкин писал тридцать лет спустя, превратившись к тому моменту из колониального чиновника в критика империи, что, конечно, заставляет нас с оговорками относиться к этому тексту как точно передающему атмосферу 1870-х годов.

Ошобе, так и за ее пределами. С одной стороны, крепко заученные и постоянно повторяемые клише о дружбе народов и интернационализме, с другой стороны, похожее на цензуру умолчание о многих фактах и интерпретациях прошлого воспитывали и воспроизводили отсутствие знания и даже отсутствие желания знать, что случилось с кишлаком в 1875 году.

В конце 1980-х годов советская идеология стала быстро терять свою доминирующую роль. Через то же телевидение, через те же газеты, журналы люди начали получать доступ к национальным версиям прошлого, которые полулегально и нелегально создавались и хранились среднеазиатской элитой. Открытие новых тем и проблем взбудоражило ошобинское сообщество, прежде всего местную интеллигенцию — учителей, врачей, колхозных управленцев. Как и люди по всему Советскому Союзу, они обсуждали сталинские репрессии, Октябрьскую революцию, следили за высказываниями своих интеллектуалов и за деятельностью разного рода «народных фронтов» и «партий», нередко сочувствуя им.

Весной 1992 года в районной газете «Слава Ашта» была перепечатана на узбекском языке упомянутая выше статья Абдуллаева «Трагедия Ошобы». В Ошобе ее прочитали очень многие. Я не могу передать точно реакцию на прочитанное именно 1992 года, но в 1995 году, рассказывая мне об этой статье, ошобинцы всячески выражали чувство гордости за то, что их предки оказали такое отчаянное сопротивление более сильному противнику. При этом свою гордость они обращали не ко мне, приезжему из Москвы, которого можно было бы легко ассоциировать с прежними российскими воинами, а к жителям соседних селений, прежде всего таджикских, предки которых сдавались противнику без боя и шли к нему на поклон, как об этом говорилось в рассказе ташкентского журналиста. Этот момент соперничества, неожиданно для меня, оказался для многих моих собеседников важнее, чем возмущение жестокостью противника, о которой, несмотря на старания Абдуллаева, никто не вспомнил (может быть, из вежливости ко мне?).

Я не увидел массового переживания сегодняшними жителями Ошобы, внуками и правнуками погибших в том бою, личной или тем более национальной травмы в связи с событиями 120-летней давности. Я не встретил ни у местной власти, ни у простых жителей коллективного отклика на предложение Абдуллаева соорудить в кишлаке памятник погиб-

шим в сражении с российскими завоевателями (хотя не исключаю, что такого рода желание у кого-то и могло быть). К слову, несколько человек указали мне на предположительное место захоронения погибших в том бою, перечислили несколько имен (Бозор-мерган, Сапар-мерган и другие) и назвали умерших шахидами, то есть мучениками, погибшими за веру, но отнеслись к этому как к давней и почти забытой истории. Мне показалось, что несколько невзрачный памятник ошобинцам, погибшим в войне 1941—1945 годов, который приютился напротив здания сельсовета, был понятнее и ближе жителям кишлака, несмотря на весь официоз, который окружал культ последней войны (Илл. 4).

Конечно, такую реакцию надо прочитывать в конкретном контексте. После распада СССР в 1991 году среднеазиатские государства стали развиваться по разным траекториям. Представители бывшей партноменклатуры Узбекистана, быстро расправившись с внутренней оппозицией, взялись за создание и укрепление своей официальной национальной идеологии, тогда как таджикские элиты разделились на противоборствующие группировки и вступили в настоящую гражданскую войну друг с другом, причем в центре публичных дебатов оказались вопросы ислама и региональной лояльности. Ошобинцы, которые продолжали смотреть узбекское телевидение и отчасти принимали на свой счет идеологические новшества Узбекистана, своими повседневными интересами все-таки были больше связаны с Таджикистаном и воспринимали мир через тот конфликт, который поразил таджикское (таджикистанское) общество.

Однако не очень эмоциональное и не очень идеологизированное восприятие самими ошобинцами призывов «гордиться предками-ошобинцами» объяснялось не только тем, что понятие родины для них несколько отличалось от того, что подразумевал под ним гражданин другой страны. Важны были и другие факторы: какие в самом ошобинском сообществе сохранялись и передавались локальные представления о том, что значит быть ошобинцем; какая у Ошобы история; какие представления о внутренней иерархии и внутренней этике; какие отношения у местных жителей с соседями и какими качествами, с их точки зрения, надо ошобинцу гордиться⁷⁵.

⁷⁵ На поразительную живучесть локальной идентичности и локальных нарративов указывает широко распространившаяся в 1990—2000-е годы в Узбекистане и Таджики-

Илл. 4. Памятник погибшим в войне 1941—1945 гг.

История кишлака

Начну издалека — со времени, которое предшествовало завоеванию. Локальный нарратив, как и имперский и национальный, тоже имеет свою протяженность, свою историческую глубину, которая определяет логику происходящего и придает ей смысл. Кроме того, этот небольшой экскурс в более отдаленное прошлое должен прояснить некоторые детали, важные для последующего описания и анализа.

стане мода на написание историй отдельных кишлаков и городов (см.: *Dudoignon S. Local Lore, the Transmission of Learning, and Communal Identity in Late 20th-Century Tajikistan: The Khijand-Nama of Arifjan Yahyazad Khidjandi // Devout Societies vs. Impious States? Transmitting Islamic Learning in Russia, Central Asia and China, through the Twentieth Century / S. Dudoignon (ed.). Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2004. P. 213—241*). Об устной истории у кыргызов см.: *Prior D. The Šabdan Baatir Codex: Epic and the Writing of Northern Kirghiz History, Edition, Translation and Interpretations, with a Facsimile of the Unique Manuscript. Leiden; Boston: Brill, 2013*.

Сами ошибинцы рассказывали о происхождении своего селения одну и ту же историю — в ее центре мерганы, которые основали Ошобу. Вот несколько типичных рассказов⁷⁶:

Здесь ничего не было, только жители Пангаза устраивали летовки. Однажды пангазцы сидели и кушали ош (около нынешнего Чинар-бува⁷⁷), и к ним подошли семь мерганов (охотников, стрелков). Пангазцы их увидели и убежали, бросив или опрокинув ош в воду, отсюда возникло название Ош-обба [*ош* — еда; *об* — вода; *ба* — предлог «в», то есть *еда в воду*] — Ошоба. Охотникам место понравилось, и они построили здесь крепость-курганчу [Илл. III].

В Ходжете была красивая девушка, и из Турции ее хотели сосватать, но жениху отказали, и Турция пошла сюда войной. От войска тюрков отделилось сорок мерганов, они пришли сюда и поселились. Здесь было место кочевий пангазцев, мерганы у них отобрали скот. Пангазцы пришли воевать сюда, но с перевала (Пангаз-ками) увидели курганчу, построенную мерганами, и ушли домой. Сорок мерганов брали себе из округи жен: своему старшему они взяли девушку из селения Алмас, другие взяли из Каркидана (каркиданцев звали «тога» [то есть дядя по матери]) и из Кара-хитая.

Каждый год принцесса Сара, дочка царя Ирана, приезжала отдыхать в Туран, в Ташкент. Однажды разбойники захватили ее, тогда царь Ирана отправил воинов, чтобы освободить ее, и поставил для нее охрану из мерганов. Мерганы жили в Занги-ата⁷⁸. У них обычаи немного

⁷⁶ По мнению информаторов Н.О. Турсунова, селение Ошоба основали сорок семей тюрков групп каракитай и карлук около двухсот лет тому назад (то есть во второй половине XVIII века), их предки сначала жили в Маджаристане, потом поселились в Самарканде, оттуда пришли в Ташкент, а оттуда уже — после междоусобиц — в Ошобу (*Турсунов Н.О.* Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX — начала XX вв. (историко-этнографические очерки). Душанбе: Ирфон, 1976. С. 228).

⁷⁷ «Святое место» (*мазор*), которое находится у самого начала кишлака Ошоба, там, где речка Ошоба-сай выходит из узкого горного ущелья. См. Очерк 8 нашей книги.

⁷⁸ Занги-ата — селение недалеко от Ташкента, здесь расположено известное во всей Средней Азии «святое место».

отличались, они читали праздничную молитву-намаз после рамадана на один день раньше⁷⁹, начался конфликт, мерганы испугались и убежали из Занги-ата в разные стороны. Сюда, где сейчас Ошоба, пришли сорок мерганов, они оставили одного наблюдателя на горе с названием Кара-ходжа, но пришли пангазцы и убили его. За его смерть пангазцы вынуждены были потом отдать мерганам сорок отар баранов и сорок женщин в жены.

Первыми пришли в Ошобу сорок мерганов (мерган — это не охотник, а солдат, воин). Это случилось в 1658 году. Пришли они вроде бы с Северного Кавказа, из Карачая. Вообще же еще говорят, что ошобинцы — это дети тюрков-мадждар и они пришли из Мадждаристана. Еще говорят, что в Ошобе живут две группы: одна пришла из Кара-хитая, другая — из Каркидана.

Из Турции на корабле в свадебное путешествие отправились турки с женами — их корабль разбился, они постепенно шли и оказались в Ташкенте. Из Ташкента часть ушла в Кара-хитай, из Кара-хитая часть (сорок человек) ушла в Ошобу, а из Ошобы часть ушла в Каркидан и в Лашкарак — все жители этих селений говорят «вот» вместо «яп»⁸⁰. Когда турки пришли сюда, то здесь были летние пастбища пангазских таджиков. Таджики пришли, увидели новое поселение и закрыли Курганарык в районе Чинар-бува, говорили: «Приходите сюда, мы вас, узбеков, здесь убьем». Когда они около Чинар-бува кушали еду, узбеки-турки к ним подобрались и стали сверху палить по ним из ружья (ружей тогда было мало) — таджики испугались и убежали, опрокинув пищу (ош) в горную речку (сай). Когда одного пойманного таджика спросили «где ош?», то тот ответил «ош-обба».

⁷⁹ Рамадан — месяц, в который верующий должен держать пост в дневное время суток. День окончания поста в разных широтах определяется по-разному, что часто вызывает споры среди мусульман.

⁸⁰ В литературном варианте узбекского языка настоящее время данного момента образуется с помощью аффикса «яп», который характерен для ферганских диалектов. В ташкентском диалекте используется форма «вот».

При первом знакомстве с такого рода рассказами бросается в глаза обилие в них мифологических образов и элементов⁸¹. Сюжет разворачивается вокруг свадьбы, что часто происходит в сказках и мифах. Числа семь и сорок обычно используются в качестве сакральных и указывают на некий особенный характер событий или людей: в Средней Азии, в частности, популярны истории о *қирқ-чилтан* (сорока чильтанах, иногда 41-й — предводитель) или *етти-огайни* (семи святых братьях)⁸². Мифологичной является далекая и таинственная страна Маджаристан (чаще всего ее ассоциируют с Венгрией), которая нередко встречается в среднеазиатских преданиях, а вот упомянутый Карачай все-таки, наверное, относится к современной импровизации. Со слов одного из моих пожилых собеседников, он слышал историю о сорока мерганах еще в 1930-е годы от одного старика, который говорил, что это случилось 360 лет назад. Последняя цифра явно условная, так как 360 лет — один из популярных циклов в мифологическом восприятии времени и истории.

В предании упоминались соседние кишлаки, с которыми у ошобинцев были особые отношения. Это Алмас, Каркидан, Кара-хитай⁸³, Лашкарак, все они сейчас находятся на территории Узбекистана:

⁸¹ Об исторических мифах жителей Аштского района см.: *Кузнецов П.Е.* О таджиках Наманганского уезда // Известия Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества. Т. IX, вып. 2, ч. 1. Ташкент, 1915. С. 1—25; *Чвырь Л.А.* Об исторических преданиях аштских таджиков // Кавказ и Средняя Азия в древности и раннем средневековье (история и культура) / Б. Литвинский (отв. ред.). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 163—176.

⁸² См.: *Басилов В.Н.* Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1992. С. 246—265; *Абашии С.* Чилтан // Ислам на территории бывшей Российской империи / С. Прозоров (ред.). М.: Восточная литература, 2006. Т. 1. С. 449—451; *Абашии С.Н.* «Семь святых братьев» // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / С. Абашии, В. Бобровников (отв. ред.). М.: Восточная литература, 2003. С. 18—40.

⁸³ Т. Файзиев писал о жителях Кара-хитая, что они «сознавали свою принадлежность к узбекам, но обособляли себя от курама» (*Файзиев Т.* Узбеки-курама (в прошлом и настоящем). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1963. С. 10); по словам М.Е. Массона, диалект жителей Кара-хитая имеет ряд особенностей по сравнению с диалектами окружающего населения, в быту их немало обычаев, совершенно чуждых последним (*Массон М.Е.* Ахангеран: археолого-топографический очерк. Ташкент: АН УзССР, 1953. С. 61).

первые два — на территории Наманганской области, а остальные — в Ангренском районе Ташкентской области, за пределами Ферганы, на другой стороне Кураминского хребта. Еще одна интересная деталь: конфликт мерганов (ошобинцев) с пангазцами, то есть жителями соседнего кишлака Пангаз, который является одним из самых больших селений в Аштском районе. Только в одном рассказе этот конфликт переводился в этническую классификацию — как конфликт узбеков и таджиков (Пангаз населяют таджики, или ираноязычное население⁸⁴). Правда, это была единственная версия, где при упоминании пангазцев и ошобинцев были добавлены определения «таджик» и «узбек». В остальных, многократно услышанных мной рассказах национальность никак не фиксировалась, а заменялась локальной принадлежностью. Ссылка на Турцию в этом контексте также не была случайной, а служила своеобразным объяснением прежнего самоназвания ошобинцев — турк (*тюрк*), которое фиксировали в том числе архивные источники конца XIX века⁸⁵. Жители Ошобы противопоставляли себя не только ираноязычному населению, но и местным тюркоязычным группам, которых называли *элт*, то есть племена, — так в Фергане, в частности, называли кочевников и полукочевников (ответной кличкой в адрес ошобинцев было «маджары»)⁸⁶.

Мы видим, следовательно, что исторический нарратив ошобинцев имел мифологические элементы, привязку к местной географии и что в нем отсутствовала какая-либо ясная национальная классификация. При этом я хотел бы отметить: все сказанное не означает, что этот нарратив никак не соотносился с реальными событиями прошлого. В памяти людей оставались многие действительные факты, которые получили мифологическую и локальную обработку и в таком виде сохранились.

⁸⁴ Об особенностях таджикского (иранского) языка этих районов см.: *Расторгуева В.С.* Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 2. Северные таджикские говоры полосы Шайдан—Ашт—Чуст—Кассансай. М.: АН СССР, 1952.

⁸⁵ См. Очерк 3.

⁸⁶ Ошобинцы отличали себя и от кураминцев — особой группы, которая населяла северо-западные предгорья Кураминского хребта и, в свою очередь, представляла собой, как считают этнографы, смесь из различных групп кочевых и оседлых жителей (см.: *Файзиев Т.* Узбеки-курама).

В одном из рассказов прозвучало, что Ошоба была основана в 1658 году⁸⁷. Автор никак не объяснил, откуда взялась такая точная дата, но она, видимо, очень близка к реальности. В XVI—XVIII веках долина Ангрена и Кураминские горы были ареной многочисленных стычек между различными воинственными группами, которые претендовали на власть в Ферганской долине и в Ташкенте. Среди них были войска Шейбанидских и потом Аштарханидских правителей, казахских султанов, отряды местных племенных вождей и разного рода наемников⁸⁸. Боевые действия сопровождались перемещениями населения, изгнанием одних жителей и переселением на их место других, поэтому появление в одном из ущелий военного отряда и его силовая попытка утвердиться здесь выглядят в ошобинском предании вполне правдоподобно.

В начале XIX века жители Кураминских гор не только «славилась» грабежами караванов, которые шли из Ташкента в Фергану и обратно, но и активно участвовали в междоусобицах. Так, Кураминские предгорья оказались в эпицентре военных действий между кокандским правителем Алимханом и ташкентским правителем Юнус-ходжой. Последний вторгся через Кураму и прошел от Камыш-кургана до Гурум-сарая, где потерпел поражение от кокандцев⁸⁹. Вскоре после этого Алимхан в очередной раз вторгся через Кураму в ташкентские владения. В это время в Коканде власть захватил его дальний родственник Омар, поэтому Алимхан решил

⁸⁷ В сельсовете я видел паспорт ошобинского кладбища, согласно которому оно возникло в 1601 году. Не углубляясь в детали, добавляю, что местность, которую освоили первые ошобинцы, в древности была населена какими-то другими группами, оставившими после себя погребальные сооружения — курумы (см.: *Литвинский Б.* Курганы и курумы Западной Ферганы (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии). М.: Наука, 1972. С. 151).

⁸⁸ Известен, например, такой факт: «В XVI в. при двоюродном брате Шейбани-хана, Барак-хане, правителе Ташкента, в Ташкенте был отряд турок в 300 человек, вооруженных огнестрельным оружием, и эти турки оказывали существенную помощь Барак-хану в его завоевательных стремлениях в направлении Самарканда и Шахрисябза» (*Семенов А.А.* Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов // *Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии.* Вып. 1. Сталинабад: АН Таджикской ССР, 1954. С. 73).

⁸⁹ *Чехович О.Д.* Сказание о Ташкенте // *Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования.* М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1970. С. 175.

вернуться в Фергану: «перевалив через Кендыр-Даван⁹⁰, хан узнал о том, что <...> его поджидают в засадах пангазцы, поставленные здесь Омаром и считавшиеся в то время лучшими в Фергане стрелками и охотниками [курсив мой. — С.А.]»; Алимхан, чтобы избежать засады, через горы вышел к Камыш-кургану, а потом — правым берегом Сырдарьи — к Ак-джару; когда он перешел через реку, то был схвачен и убит⁹¹. Хотя в данном эпизоде упоминаются пангазцы, но это, конечно, обычное для того времени перенесение названия крупнейшего населенного пункта — в данном случае Пангаза — на население целого района.

Одной из любопытных деталей является, в частности, прозвище «мерган» (стрелок), которым именовались первопоселенцы Ошобы. Жители кишлака, опираясь на современное значение этого слова в узбекском языке, часто объясняли его тем, что их предки были охотниками. Однако кто-то из информаторов помнил, что мерганами называли воинов в составе кокандской армии. Они были вооружены стрелковым оружием и имели существенные льготы — освобождение от налогов⁹². Есть свидетельства, что в 1830—1840-х годах в охране кокандского хана было особое подразделение под названием *қирқ-мерган*, то есть сорок мерганов⁹³. Неожиданно возникшие в другом, реально-историческом контексте «сорок стрелков» наводят на мысль, что ошобинцы могли быть как-то причастны к этому военному подразделению и уже потом переосмыслили данный факт как историю происхождения Ошобы.

⁹⁰ Перевал через Кураминский хребет, связывающий Ферганскую долину с долиной реки Ахангаран, проходивший через селения Шайдан и Бабадархан. В прошлом был основным военным и торговым путем.

⁹¹ *Наливкин В.П.* Краткая история Кокандского ханства. Казань: [б.и.], 1886. С. 99—101. Б. Бабаджанов датирует эти события 1809 годом (*Бабаджанов Б.* Кокандское ханство. С. 133, прим. 2).

⁹² См.: *Набиев Р.Н.* Из истории Кокандского ханства (феодалное хозяйство Худояр-хана). Ташкент: Фан, 1973. С. 99, 100; *Бейсембиев Т.К.* «Та`рихи-и Шахрухи» как исторический источник. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 68, 69.

⁹³ *Бейсембиев Т.К.* «Та`рихи-и Шахрухи». С. 69. Р.Я. Рассудова указывала, что мерганы — это подразделение, которое охраняет ворота царского дворца (*Рассудова Р.Я.* Очерки организации войска в Бухарском и Кокандском ханствах (XIX в.) // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии / В. Курьяев (отв. ред.). Вып. 2. М.: Институт этнографии АН СССР, 1990. С. 41).

В начале 1870-х годов все Кураминское предгорье входило в состав отдельного Бабадарханского бекства, которое подчинялось намаганскому наместнику⁹⁴. Основными источниками доходов здесь были пограничные торговые сборы и выработки соли недалеко от Камыш-кургана. Плодородной земли здесь было немного, поэтому жители занимались разного рода кустарными промыслами (Ошоба, в частности, славилась своими коврами и паласами, которые ткали женщины), кто-то уходил в отходничество. Немалая часть местного населения служила в кокандской армии, поскольку солдатские хозяйства освобождались от выплаты основных налогов. Видимо, именно экономическая скудность сформировала у населения такие качества, как воинственность и умелость в военном деле. Постоянные войны в регионе закрепили эти качества, сделали военную карьеру обычной практикой.

Завоевание Ошобы в местной версии

Рассказы о завоевании Ошобы русскими я услышал сразу после истории о происхождении кишлака. Вот как выглядел один из них:

Русские воевали с ошобинцами несколько раз. Первый раз (первая война): они пришли со стороны Шайдана — ошобинцы победили (было убито 247 русских) благодаря тому, что с тыла к русским зашла Онорхоля (Онор-пансад⁹⁵) с отрядом девушек-воинов (женщины-ошобинки тоже умели тогда стрелять). Второй раз (вторая война) и третий (третья война) обороной Ошобы руководил Курбаши-бобо (было убито 400 и 150 русских). Курбаши-бобо служил в армии Худоярхана и занимал там высокую должность — он служил, в частности, в Туркестане (поэтому своего сына назвал Султан⁹⁶). В подчинении Курбаши-бобо были Ходжамурот, мулла Пинез (его сын — мулла Эгамберды, его сыновья

⁹⁴ *Кун А.* Очерки Коканского ханства // Известия Императорского Русского географического общества / В. Срезневский (ред.). Т. 12, вып. 1. СПб., 1876. С. 65.

⁹⁵ В данном случае это либо прозвище (*лақаб*) женщины, либо военное звание ее мужа.

⁹⁶ В городе Туркестан захоронен средневековый святой Ахмед Ясави, которого также называли Хазрати-Султан. В 1864 году Туркестан был завоеван российскими войсками.

мулла Холимбой Эгамбердиев и мулла Саттар Эгамбердиев), Сафар-мерган, Эшмат-пансад (вообще около 400 ошобинцев служили в армии Худоярхана). Только в 1877 году ошобинцы (по совету мулл и ишанов⁹⁷) решили заключить мир с русскими: из Коканда приехали русский генерал (с татаринном-переводчиком) и какой-то кокандский мулла. Договор был заключен с условием, что жители Ошобы освобождаются от выплаты налогов (якобы ошобинцы не платили их царю вплоть до 1917 года).

В рассказах других ошобинцев эта история выстраивалась вокруг фигуры Онор-пансад:

В местечке Бой-тула была одна семья, в которой жила Онор. Однажды пришли сюда русские и схватили ее отца, стали пытаться — наматывали ему тесто на голову, как салла [головной убор в виде платка, который обматывают вокруг головы], и стали сверху заливать горячим маслом. Онор, увидев это, схватила шашку у русского солдата и ударила солдата, сказав: «Зачем вы мучили моего отца, лучше бы так же ударили его шашкой и он не мучился бы, умер сразу». Солдаты схватили ее за руки, хотели ударить, но Онор вцепилась зубами в горло солдату, как волчица [в местном произношении *қоришқи*, в литературном варианте — *қашқи*]. После этого ее стали звать Онор-волчица. Она собрала двадцать девушек, обучала их ездить на лошадях и стрелять, основной их лагерь был чуть выше Ошобы.

Однажды разведка сообщила, что русские солдаты пришли и расположились отдыхать в саду на другом берегу Ошобы-сяя, напротив кишлака. В это время из Даханы⁹⁸ пришли сорок джигитов-мерганов помочь ошобинским, сказали, что они сами будут воевать, а ошобинцы пусть помогут им, если у них сил не хватит. Онор ночью пришла со стороны Бой-тула со своим отрядом и стали стрелять с другой стороны в русских. Солдаты вышли на открытое место, а в это время мерганы из засады всех их убили. Осталось только трое русских, они ушли в Наманган, оттуда вернулась комиссия, и был установлен договор с ошобинцами: чуть ниже

⁹⁷ См. Очерк 8.

⁹⁸ В Аштском районе существует два кишлака с таким названием: один в сторону Пангаза, другой — Ашта.

Ошобы, в месте, где росла береза, провели границу — ниже нее должны были управлять русские, а выше должна была смотреть Онор. Ошобу освободили от налогов.

На первый взгляд перед нами, если вспомнить донесения военных и вообще весь ход событий, описанный много раз различными историками, — совершенно выдуманная история, не имеющая никакого отношения к реальности. Три войны с русскими, три безуспешные попытки последних захватить Ошобу — это явная дань мифологической логике повествования. Одно только количество убитых российских солдат в два раза больше всей численности Акджарского отряда, руководимого Пичугиным, который писал о трех убитых со стороны нападавших во время штурма Ошобы 18 ноября 1875 года. Однако вспомним, что российские офицеры и генералы тоже любили преувеличить цифры потерь неприятеля, в чем их упрекнул Терентьев, и что написанному в донесениях и исторических повестях надо верить с осторожностью, делая поправки на самые разные объективные и субъективные обстоятельства. Историю, которую рассказал местный житель, разумеется, нельзя назвать изложением действительных фактов, как и легенды о происхождении Ошобы, но она являлась переработкой и переосмыслением реальных событий с использованием доступных средств выражения — локальной мифологии, локальных знаний и локальных классификационных схем.

Самое удивительное, что версия о разгроме русских в Ошобе сложилась, судя по всему, не задним числом, а уже в ходе самих военных действий. В одном своем послании Кауфману от 28—29 октября, то есть за три недели до сожжения кишлака Пичугиным, командир Наманганского отдела Скобелев сослался на следующее сообщение другого военного — Бекчурина⁹⁹:

Сообщаю Вам об одном известии, полученном мною, не придавая [ему] особого значения. Вчера, говорят, высланы из Коканда до 2 тыс. человек при 9 орудиях на Ак-Джар и что Мулла-Кушай, с партией в 500 человек, намередается будто бы действовать против Санга. Такое

⁹⁹ ЦГА РУз, ф. 715, оп. 1, д. 64. Л. 324—325.

новое возбуждение коканцев вызвано, как передают мне, распространившимся в Коканде слухом о том, что русские, находившиеся в Ашабе, все уничтожены. Мне передавали также, что вся эта толпа выслана из Коканда насильно; не желавших идти били палками.

В данном случае не совсем ясно, как такие слухи могли возникнуть и какие были для них основания, никакие другие источники этого не поясняют. Возможно, действительно было несколько боевых столкновений между ошобинцами и российскими отрядами, которые не нашли отражения в донесениях (поскольку все противники были для российских военных на одно лицо и они не различали их ни по месту проживания, ни по статусу, ни по каким-то другим признакам). Однако тот факт, что зафиксированные уже российскими свидетельствами слухи совпадают с рассказом, услышанным мной 150 лет спустя, говорит о том, что последние закреплялись в народной памяти и становились частью восприятия прошлого.

Есть данные об активном участии ошобинцев в боях против русских и после ноябрьского погрома¹⁰⁰:

Из всех собранных мною сведений во время движения отряда оказывается, что на том [левом] берегу с начала января [1876 г.], когда стала Дарья [Сырдарья], появились вооруженные шайки, пребывающие главным образом в кишлаках: Джан-Туде, Бахмале, Томаше, Джан-Джане, находящихся против переправы Чиль-Махрам; главные предводители этих шаек: Тана-Берды, бывший мулла в сел. Ашаба — Ахмет-Удайчи [придворный чиновник, который сопровождал хана, принимал челобитные от населения и докладывал о них], Олимкул и Иш-Магомет-Байбачи [буквально «сын бая», употребляется также для обозначения принадлежности к богатой, уважаемой семье]; последний, по некоторым сведениям, будто бы выбран самим Пулат-ханом <...> Шайки эти преимущественно составлены из киргизов горных кишлаков и жителей Курамы; принимают же участие в них и жители кишлаков, лежащих противу упомянутой переправы. Цель всех этих шаек — добывать себе силою всякого рода продовольствия и грабеж.

¹⁰⁰ ЦГА РУз, ф. 715, оп. 1, д. 66. Л. 124.

А вот другой документ, датированный январем 1876 года¹⁰¹:

Господину Начальнику Наманганского отдела
Рапорт

Начальник Ак-джарского и Чустского соединенных отрядов, полковник Барон Меллер-Закомельский, при посещении в декабре месяце прошлого года пригорных кишлаков вверенного мне участка, захватил четырех жителей мятежного кишлака Ашабы и препроводил их ко мне для заключения под стражу, впредь до распоряжения Вашего Превосходительства. Не получая до настоящего времени распоряжения по сему делу, я имею честь испрашивать указаний Вашего Превосходительства, как поступить с заключенными ашабинцами.

Другими словами, разгром Ошобы в ноябре вовсе не привел к прекращению сопротивления. Ошобинцы продолжали участвовать в боях против российских войск и продолжали создавать собственную историю своих побед и подвигов.

В местных рассказах о завоевании кишлака много других конкретных деталей — даты, названия мест, цифры, имена, упоминание генерала и его переводчика-татарина. Даже упоминание о соглашении 1877 года и отмене налогов похоже на правду: завоеватели установили свою власть в Фергане в начале 1876 года и уже в следующем году стали организовывать сбор налогов с завоеванной территории¹⁰². В 1880 году Кауфман ввел в действие в Ферганской области свой проект об управлении, который включал в себя, в частности, государственную подать, существенно более низкую, чем налоги, собиравшиеся прежней, ханской властью. В локальном нарративе этот факт переосмыслен и представлен как договор русских с Ошобой.

Некоторые такого рода детали говорят о том, что устное повествование, записанное мной, не является современной выдумкой. Датировать его сложно, но в нем чувствуется знание досоветской ситуации, нынешними жителями уже утерянное, поэтому вполне можно предположить,

¹⁰¹ ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 10458. Л. 1. На письме стоит резолюция: «К докладу. Означенных четырех жителей из-под ареста освободить, вменив им арест в наказание. 17.2.76».

¹⁰² См. Очерк 3.

что этот рассказ возник где-то в конце позапрошлого или начале прошлого века и передавался устно от одного поколения к другому¹⁰³. Поразительно, что он сохранился до нашего времени и, не имея широкой аудитории, тем не менее продолжает жить, вопреки массе написанной учеными и идеологами литературы.

Однако вопрос не только и не столько в том, когда был создан этот рассказ. Ясно, что перед нами не исторический источник — в нем слишком много мифологических искажений. Но мифология в данном случае — это элемент того оригинального локального нарратива, который не вписывается ни в имперские рамки, ни в национальные. Его мифологичность противостоит идеологичности последних. Локальный нарратив создает свою собственную историю со своими действующими субъектами, своими этапами и своими смыслами, приписываемыми происходящему.

В локальной памяти не было завоевания Ошобы, а, наоборот, удивительным образом ошобинцы оказывались даже в каком-то смысле победителями русских, вынуждая последних принять условия мира. Рассказчик называл огромные цифры (в первом случае с точностью до человека!) потерь среди российских солдат и ничего не говорил о потерях среди местного населения, они совершенно не беспокоили его и не осознавались в качестве травмы. Причем у него не было не только сочувствия к потерям со стороны российских войск, но и упреков в их адрес за собственные потери. В рассказе подчеркивалось также, что после сражений стороны вели переговоры и пришли к согласию, заключив взаимовыгодный договор.

В нарративе совершенно отсутствовала темы жертвенности. Акцент был сделан скорее на том, что среди ошобинцев многие служили в регулярных кокандских войсках, поэтому их участие в боевых действиях было вполне закономерным. Подразумевалось, что они выполняли свой военный долг, подчинялись приказу вышестоящих начальников.

¹⁰³ Впрочем, возможно, рассказ имел и письменную версию. Любопытно, что Н. Веселовский, который в конце XIX века искал местные рассказы о русском завоевании, упоминает некоего старика из Ашта, который будто бы «вел такие записки» (*Веселовский Н. Киргизский рассказ о русских завоеваниях. С. VI, прим. 1*).

В этом рассказе никак не отражалась какая-либо национальная классификация, и только в самом конце упоминались муллы и ишаны, что придавало рассказу мусульманскую окраску. Не было в локальном нарративе понятия родины и вообще какой бы то ни было отсылки к более широкому сообществу — существовал только мир Ошобы, который и определял конечный горизонт для рассказчика.

Для локального нарратива прежде всего были важны имена конкретных людей, их титулы и прозвища, было важно, кто является их потомками. Я бы хотел обратить внимание на то, как подробно в рассказе говорилось о женщинах, которые участвовали в сражениях, и их предводительнице Онор-пансад. Напомню, что Пичугин тоже с нескрываемым удивлением писал, что женщины в Ошобе оказывали отчаянное сопротивление, но только в его донесении это были анонимные и неорганизованные местные жительницы. Вслед за Пичугиным о том, что «даже женщины считали для себя позором покоряться врагу», писал ташкентский журналист Абдуллаев, который видел в этом факте уже не фанатизм, а доказательство любви к свободе и ненависть к врагу. В локальном же нарративе говорилось об организованном женском военном отряде, и это выглядело скорее нормой, чем аномалией. Можно, наверное, сказать, что подчиненные, повествуя о войне с русскими, совершенно по-другому видели и оценивали роль женщины в обществе, не приписывая ей заведомо униженного и второстепенного положения и в то же время не превращая ее в особый объект символического поклонения¹⁰⁴.

* * *

В своем исследовании я стремлюсь заново поставить вопрос о том, как изучать очень острую и спорную в политическом отношении тему подчинения Россией Среднеазиатского региона, особенно момент непосредственно завоевания и включения его в сферу российского — и, шире, европейского — влияния, который часто вызывает желание превратить

¹⁰⁴ Об образе женщины в различных нарративах см.: *Зубковская О.* Постколониальная теория в анализе постсоветского феминизма: дилеммы применения // АИ. 2007. № 1. С. 395—420; *Глостанова М.* Деколониальные гендерные эпистемологии. М.: Маска, 2009.

объяснение в оправдание или обвинение. Я пытаюсь отстраниться и от имперского нарратива, и от национального, для чего использую помимо традиционных источников (письменных свидетельств современников тех событий) местные устные воспоминания, конструируя с их помощью как минимум еще одну сторону или еще один взгляд на прошлое. Я хочу показать, что выбор не ограничивается лишь двумя возможностями. Третья позиция открывает новое проблемное поле, позволяет иначе увидеть контекст и обстоятельства произошедшего, задуматься о том, в каких формах прошлое продолжает жить в сегодняшнем дне, обратить внимание на то, каким образом и из чего формируются разные взгляды.

Имея перед глазами все позиции и по очереди обозревая их, хочу в заключение зафиксировать два наблюдения. Первым и вполне очевидным выводом из проделанного анализа может быть указание на то, что обе доминирующие точки зрения — имперская и национальная — на историю колониального присоединения Средней Азии подразумевают идеологически мотивированные умолчания и преувеличения, иногда даже приводят к искажениям фактов в угоду идеологическим предпочтениям. В форме ли докладных записок, публицистических новелл или научных работ — создатели обоих нарративов одинаково предвзято описывают прошлое, руководствуясь заранее заданными схемой и симпатиями. Разумеется, я не утверждаю, что локальная версия истории завоевания Ошобы является наиболее аутентичной, точной и, соответственно, привилегированной по сравнению с другими. Напротив, эта версия возникла и сохранилась при вполне конкретных, в том числе политических, условиях. Она содержит собственные ограничения, искажения, мифологию и стереотипы. Однако весь смысл признания локальной версии состоит не в том, чтобы обнаружить наконец настоящую правду, а в том, чтобы показать — таких правд может быть много и ни одну из них нельзя считать само собой разумеющейся. Поставленные же в один ряд, они более отчетливо демонстрируют свою относительность и ангажированность.

И второе наблюдение: полное господство той или иной версии невозможно. Даже если тот или иной нарратив становится доминирующим в публичном пространстве, это вовсе не означает, что он обязательно полностью вытесняет другие нарративы из индивидуальной и коллек-

ТРИ ВЗГЛЯДА НА ЗАВОЕВАНИЕ

тивной памяти. Все три версии продолжают сосуществовать — в разных комбинациях и в разных контекстах. Каждая из них занимает свою нишу, обращена к своей аудитории, апеллирует к определенной самоидентификации, к определенному пониманию личных или групповых интересов. Каждый нарратив имеет свои места и способы хранения, свои ритуалы и практики исполнения/воспроизводства. Отдельно взятый человек в той же Ошобе способен вполне бесконфликтно воспринимать и повторять разные версии истории, иногда даже смешивая их друг с другом, в зависимости от того, где он находится, с кем и в какой обстановке общается. Слушая то, что говорят по телевизору, читая газеты и книги, учась в школе или находясь на каких-нибудь мероприятиях, где звучат официальные речи, он заучивает рассказы, составленные профессиональными историками и политиками и повествующие о жестокости противника и непримиримости сторон. В семейном же кругу, во время застолья и других обычных посиделок, в разговорах с гостем, который интересуется ошобинским прошлым, тот же самый человек неожиданно вспоминает истории об удивительной женщине Онор и русском генерале, приехавшем заключать мир с храбрыми ошобинцами.